

Санкт-Петербургский государственный университет

МАМЫШЕВА Полина Андреевна

Выпускная квалификационная работа

«Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова: текст и контекст

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5036. «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

Научный руководитель:

профессор, Кафедра истории русской
литературы,
Сухих Игорь Николаевич

Рецензент:

доцент, Негосударственное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования «Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет
профсоюзов»,
Шеленок Михаил Алексеевич

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. «Одноэтажная Америка» и записные книжки И. Ильфа: обзор литературы.....	6
Глава 2. «Одноэтажная Америка»: проблема текста.....	37
Глава 3. «Одноэтажная Америка»: проблема атрибуции	49
Заключение	70
Список литературы	73
Приложение 1.	78
Приложение 2.	80

Введение

И. Ильф и Е. Петров отправились в Америку в сентябре 1935 года как корреспонденты газеты «Правда». В США они провели три с половиной месяца, делая во время поездки записи обо всем, что видели в пути. После возвращения в СССР в 1936 году на основе этих заметок была написана «Одноэтажная Америка».

Травелог был впервые опубликован в 1936 г. в журнале «Знамя» (№10, 11). В 1937 г. «Одноэтажная Америка» вышла отдельной книгой в издательстве «Художественная литература».

Представленная выпускная квалификационная работа посвящена анализу творческой истории «Одноэтажной Америки».

Цель работы заключается в том, чтобы установить возможную структуру нового, научного издания «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова.

Для выполнения поставленной цели требовалось решить следующие *задачи*: проанализировать критическую и научную литературу об «Одноэтажной Америке» и записных книжках Ильфа; сравнить издания путевых очерков 1937 г., 1939 г., 1961 г. и 2003 г. (чтобы установить основной текст); определить авторство глав травелога; составить план научного издания «Одноэтажной Америки».

В работе использованы *методы* традиционной поэтики, стилистического и сравнительного анализа, культурно-исторический и биографический метод.

Актуальность исследования объясняется тем, что основной текст «Одноэтажной Америки» не определен до сих пор. Кроме того, до сих пор не было установлено, кому из соавторов принадлежит каждая из глав травелога.

Между тем, «Одноэтажная Америка» представляет большой интерес как *объект* исследования.

Во-первых, потому, что, как считал А. М. Эткинд, книга Ильфа и Петрова – «несомненная кульминация американского текста советской литературы»¹. Соавторы аккумулируют мнения других писателей о США, добавляя к ним свои впечатления и по-новому освещая знакомые темы и мотивы (путешествие на пароходе, знакомство с Нью-Йорком, поездка по штатам и др.).

Во-вторых, путевые очерки могут интересовать исследователей потому, что, как писал Е. Р. Пономарев, литература путешествий «позволяет получить такую информацию по истории литературы (и шире – в области межкультурных коммуникаций, истории идей, истории культуры), какую не дают другие жанровые формы»².

Следовательно, изучение «Одноэтажной Америки» значимо и само по себе, и в сопоставлении с записными книжками Ильфа, которые помогут восстановить творческую историю путевых очерков.

Первая глава настоящей работы посвящена анализу критической и научной литературы об «Одноэтажной Америке» и дневниках Ильфа. *Материалом* этой части исследования послужили труды об «Одноэтажной Америке» и записных книжках Ильфа, написанные с середины 1930-х гг. до нашего времени. Мы придерживались хронологического порядка расположения материала, поскольку такое построение позволяло наиболее логично передать изменение взглядов исследователей на изучаемые произведения.

Во второй главе сравниваются четыре издания «Одноэтажной Америки»: книга, которая вышла в 1937 г. в издательстве «Советский писатель»; версия, включенная в собрание сочинений 1939 г.; вариант текста, вошедший в собрание сочинений Ильфа и Петрова 1961 г., и издание, подготовленное А. И. Ильф в 2003 г. В этой главе также анализируются причины цензурного вмешательства в текст.

¹ Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 162.

² Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб, 2013. С. 7.

Третья глава посвящена атрибутированию глав путевых очерков. 20 глав «Одноэтажной Америки» написал Ильф, 20 – Петров, 7 они написали вместе, и до сих пор оставалось неясным, кому из писателей принадлежит какая глава и что было написано ими сообща. Мы сопоставили путевые очерки с дневниками Ильфа, которые он вел во время путешествия, и письмами Ильфа и Петрова из США в СССР. Анализ их стиля и содержания позволяет определить авторство большинства глав травелога и уточнить атрибутирование, предложенное Л. М. Яновской¹.

В конце каждой главы содержатся промежуточные выводы, а в заключении подводятся итоги всей работы и определяются перспективы дальнейшего изучения «Одноэтажной Америки».

В первом приложении к работе приводится таблица, в которой главы травелога распределяются между их авторами.

Во втором приложении представлена структура возможного научного издания «Одноэтажной Америки».

¹ Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? М., 1969. С. 27–28.

Глава 1. «Одноэтажная Америка» и записные книжки И. Ильфа: обзор литературы

1.1. 1936–1949 гг.

19 сентября 1935 года И. Ильф и Е. Петров поехали в Америку в роли корреспондентов газеты «Правда». На купленном в Нью-Йорке «форде» они дважды проехали по Соединенным Штатам «через весь материк, от океана до океана»¹ и отправились обратно в СССР 22 января 1936 года.

«Одноэтажная Америка» была написана летом 1936 года. В очерке об Ильфе Петров так описал работу над травелогом: «Это было первое произведение, которое мы сочиняли порознь – двадцать глав написал Ильф, двадцать глав написал я, и семь глав мы написали вместе, по старому способу»².

Пока шла работа над книгой, путевые очерки выходили в «Правде» (в 1936 г.), а в журнале «Огонек» в апреле 1936 г. была опубликована серия фотографий Ильфа с развернутыми подписями к ним.

В 1936 г. «Одноэтажная Америка» была полностью напечатана в журнале «Знамя», в 1937 вышла отдельной книгой в издательстве «Художественная литература».

В том же году путевые очерки были изданы в Америке под названием «Little Golden America». Название было выбрано издателем (против воли Е. Петрова) и, по его мнению, должно было напоминать читателям о втором романе соавторов («The Little Golden Calf»).

Обратимся к отзывам критики на «Одноэтажную Америку».

О новой книге Ильфа и Петрова написали почти все крупные газеты и журналы: «Известия», «Литературная газета», «Новый мир», «Книга и пролетарская революция», «Литературное обозрение», «Смена», «Ленинград».

Путевые очерки соавторов вызвали гораздо более широкий отклик, чем, например, их романы, на публикацию которых серьезные журналы почти

¹ Ильф И. А., Петров Е. П. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М., 2020. С. 43. Далее ссылки на это издание даны в тексте работы в квадратных скобках: [Ильф, Петров 2020: 43].

² Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове. М., 1963. С. 12.

не отреагировали. Возможно, это объясняется актуальностью темы: отношения СССР с Америкой были непростыми, и для советских писателей и критиков было важно говорить о недостатках капитализма и преимуществах социализма. Кроме того, Ильфа и Петрова отправляла в Америку «Правда»: к путевым очеркам корреспондентов главной газеты СССР нельзя было отнести так же, как к сатирическим романам авторов «Гудка».

Первые отклики на «Одноэтажную Америку» появились в 1937 г.

20 марта в «Правде» была опубликована статья А. Н. Толстого «О советской литературе», в которой писатель дал такую характеристику книге: «В 1936 году мы уже имеем ряд высокохудожественных и замечательных достижений в литературе и кинематографии. Я назову чрезвычайно зрелую художественно-остроумную книгу Ильфа и Петрова “Одноэтажная Америка”, прелестный прозрачный роман Валентина Катаева “Белеет парус одинокий” и своеобразную, весьма новую по форме и яркую книгу огромной фантазии и острого наблюдения – роман Павленко “На востоке”»¹.

Толстой в 1937 г. был руководителем Союза писателей СССР и депутатом Верховного совета СССР 1-го созыва, а его статья была напечатана в «Правде», главной газете страны. Следовательно, официальное мнение о книге Ильфа и Петрова было положительным.

Нам показался интересным ряд произведений, в который Толстой помещает «Одноэтажную Америку».

Перечисленные им сочинения, на первый взгляд, имеют довольно мало общего. Книга Ильфа и Петрова посвящена поездке в Америку и характеристике разных сторон американской жизни. В автобиографическом романе Катаева рассказывается о революции 1905 года и о том, какое участие принимают дети (главные герои) в этих событиях. Роман Павленко относится к жанру оборонной фантастики и описывает объединение народов СССР вокруг Сталина, который показан в романе гениальным руководителем страны.

¹ Толстой А. Н. О советской литературе // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. М., 1949. С. 390.

Произведения советских авторов, перечисленные Толстым, таким образом, относятся к разным жанрам и изображают совершенно разные события и периоды жизни страны.

Единственное, что, как нам кажется, могло объединять их и служить причиной для постановки этих произведений в один ряд, – это идейная направленность названных книг. Мы предполагаем, что путевые очерки Ильфа и Петрова и романы Катаева и Павленко Толстой воспринимал прежде всего как произведения, в которых давалась положительная оценка социализму и которые поэтому были достойны похвалы и поощрения.

Так, в «Одноэтажной Америке» показано превосходство социализма, который был в СССР, над американским капитализмом. В романе Катаева утверждается «преимущество революционного подвига»¹. Книга Павленко описывает героический труд советского народа, который преодолевает серьезные трудности при строительстве Дальнего Востока. «Благонадежность» трех произведений, преданность их авторов социализму и могла быть причиной, по которой Толстой отозвался о сочинениях писателей как о «высокохудожественных и замечательных» достижениях.

21 марта 1937 г. в «Известиях» вышла статья В. Просина, в которой «Одноэтажная Америка» подвергалась резкой критике.

Автор писал, что книга «интересна, остра, увлекательна»², это «яркое произведение советской художественной литературы»³, но в ней не описана действительная жизнь американцев: рабочего класса, фермеров, негров, безработных. С точки зрения рецензента, в книге изображен средний американец, «псевдо-показательный тип, рожденный фантазией авторов»⁴. «Одноэтажная Америка» показалась Просину не менее подозрительной, чем роман Б. Пильняка «О'кей».

¹ Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 3. М., 1966. Стб. 438.

² Просин В. «Развесистые небоскребы» // Известия, 1937. 21 марта. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же.

Во второй половине статьи Просин, проживший в Нью-Йорке 2,5 года, уже не возвращался к идеологическим проблемам. Он перешел к разбору частных фактических ошибок, которые авторы допустили в описании жизни города потому, что «проявили легковерие»¹ и последовали «по трафаретной дорожке очеркистов, описывающих Нью-Йорк как город, в котором что ни дом, то небоскреб»².

На такой «двойственный характер»³ рецензии указывал и Я. С. Лурье в монографии о творчестве Ильфа и Петрова, предлагая при этом следующее объяснение: «создавалось впечатление, что политические упреки в рецензии были заданы, а автору были более дороги его американские воспоминания»⁴. Нам оно кажется вполне обоснованным.

Просина, таким образом, интересовало то, насколько точно книга Ильфа и Петрова передает факты жизни американского народа и соответствует ли их описание реальности. По мнению критика, в советской литературе до сих пор нет хорошей книге об Америке – т. е., произведения, в котором достижения революции сравнивались бы с образом жизни «братьев по классу»⁵ за рубежом.

Отношение к путевым очеркам Ильфа и Петрова как к тексту, который должен показать преимущества социалистического строя над капиталистическим, отличало не только Толстого и Просина. В критических статьях «Одноэтажная Америка» рассматривается, как правило, именно с идеологической стороны: рецензенты давали книге положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, в достаточной ли степени соавторы «обличали» американский образ жизни и превозносили социалистический принцип устройства общества.

Так, Л. Гладков счел, что Ильфу и Петрову удалось показать, «как умеет капитализм обслужить бытовые и духовные потребности этого среднего

¹ Там же.

² Там же.

³ Курдюмов А. А. [Лурье Я. С.] В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Paris, 1983. С. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

американца, как, обеспечивая его стандартным и недорогим комфортом, он превращает его в машину, делающую доллары»¹. Иначе говоря, по его мнению, писатели справились с возложенной на них задачей и достаточно ярко показали отрицательные стороны жизни капиталистической страны.

Недостаток же книги Гладков видел в том, что Ильф и Петров не смогли «дать общую цельную картину политической и духовной жизни Америки»². Вероятно, он подразумевал под этим, что некоторые аспекты американской жизни Ильф и Петров показали с недостаточной силой обличения и советские читатели могли составить неверное (с точки зрения гражданина социалистической страны) впечатление о Соединенных Штатах.

Похожим образом о книге писали и другие критики.

А. Марголина³ указывала на то, что Ильф и Петров проявили себя настоящими патриотами, поскольку они не просто поверхностно обличили капитализм, но указали на те стороны американской жизни, которые Советскому Союзу стоит позаимствовать у США.

В заметке П. Семенова отмечалось, что «авторам удалось подчинить своим впечатлениям основную задачу: чему можно научиться у Америки, что она собой представляет, и обо всем этом без прикрас рассказать советскому читателю»⁴. Недостаток книги Семенов видел в том, что авторы слишком скупо описали американское коммунистическое движение: «Многообразие интересов различных классовых слоев, ощущаемое за отдельными намеками и эпизодами, все же ступшено, сглажено»⁵.

Нередко рецензенты высказывали в статьях противоположные идеи.

Так, А. Мингулина писала, что книга Ильфа и Петрова «читается с большим интересом и привлекает читателя прежде всего тем, что написана талантливо, живо и остроумно»⁶, но при этом писатели «не спаяли своих

¹ Гладков Л. И. Ильф и Евг. Петров. Одноэтажная Америка. Новый мир, 1937. №4. С. 278.

² Там же, С. 279.

³ Марголина А. «Одноэтажная Америка» // Звезда, 1937. №4. С. 177–183.

⁴ Семенов П. «Одноэтажная Америка» // Рабселькор, 1937. №12. С. 18.

⁵ Там же.

⁶ Мингулина А. Очерки путешествия по Америке // Книга и пролетарская революция, 1937. №5. С. 115.

наблюдений одной мыслью, которая правильно осветила бы этот материал»¹. По мнению рецензента, соавторы слишком увлеклись американским сервисом и рекламой и не смогли разоблачить капиталистическую систему.

Н. Замотин придерживался другого мнения. Он считал, что Ильф и Петров «показывают коренное различие, отличающее социалистическую систему ведения хозяйства от системы капиталистических, буржуазных стран, и вскрывают во всей своей ужасающей противоречивости [курсив мой – П. М.] так называемое капиталистическое “процветание”»². С точки зрения критика, писатели прекрасно справились с обличением отрицательных сторон буржуазной демократии. В конце рецензии Замотин выражал уверенность в том, что книга Ильфа и Петрова «многому научит советских читателей и наполнит их сердца чувством гордости за свою родину»³.

Мнения авторов не совпадали, но обоих при чтении «Одноэтажной Америки» волновал один и тот же вопрос: в какой степени книга отражала преимущества социализма перед капитализмом и показывала недостатки буржуазного устройства общества.

Та же проблема волновала И. Эвентова, который писал: «Советские писатели, объездив Америку, увидев чудеса американской техники, деловитости и “сервиса”, изобразив все это с подлинной наблюдательностью и талантом, еще раз наглядно и убедительно ощутили превосходство своей родины, ее общественного устройства, ее культуры и перспектив ее развития над этой, самой передовой в мире капиталистической страной»⁴.

Автор при этом указывал на недостаток путевых очерков, который не принимался во внимание другими рецензентами. Эвентов считал, что в книге Ильфа и Петрова должно было прозвучать «чувство настороженности,

¹ Там же, С. 116.

² Замотин Н. Очерки советских писателей об Америке. С. 70.

³ Там же, С. 74.

⁴ Эвентов И. «Одноэтажная Америка» // Резец, 1937. №9. С. 15.

предупреждения об опасности»¹, которая исходит от капиталистических стран, желающих подорвать мощь Советского Союза.

В 1930-е годы усиливалась международная напряженность: в капиталистических странах происходили внутривластные изменения, западные страны начали представлять угрозу для СССР, поэтому обращение рецензента к этой проблеме было закономерным.

Положительный отзыв об «Одноэтажной Америке» написал также филолог и писатель Л. Боровой, назвав ее «поразительно благородной книгой»².

Рецензента, в отличие от предыдущих критиков, больше интересовало не отражение в книге общественно-политических вопросов, а ее художественная ценность. Боровой отмечал любознательность Ильфа и Петрова, их стремление проверить на себе все особенности американской жизни, а затем как можно обстоятельнее их описать. В «Одноэтажной Америке», по мнению критика, «попадают еще слишком разрисованные пустяки, недорогие остроты (например, о помпейцах или о лорде-хранителе печати и др.), но общая интонация превосходна»³.

В 1960-е годы вышли книги Борового о языке и стиле некоторых авторов («Путь слова», «Язык писателя»), поэтому его интерес к проблемам стиля и «интонаций» произведения уже в 1937 году был закономерным.

В «Книжных новостях» в 1937 году также вышла статья, в которой анонсировался выпуск Детгиздатом книги «Путешествие в Америку». Издание предназначалось для детей и представляло собой «первоначальный набросок»⁴ «Одноэтажной Америки»: в нем были урезаны авторские рассуждения и обобщения, сжаты некоторые описания и эпизоды. При этом, по мнению автора, даже в сокращенной версии книга передавала «ужасающие

¹ Там же, С. 16.

² Боровой Л. «Одноэтажная Америка» // Литературное обозрение, 1937. №8. С. 10.

³ Там же.

⁴ [Б. п.] «Путешествие в Америку» // Книжные новости, 1937. №23-24. С. 60.

социальные противоречия американской действительности»¹, и дети, как и взрослые, после прочтения могли сделать правильный вывод об Америке.

Вероятно, тот факт, что очерки Ильфа и Петрова выходили в Детиздате, может говорить об их «благонадежности» и значимости для советского общества. Вряд ли издательство выпустило бы для детей книгу, которая изображает социализм в негативном свете.

При этом нам не удалось найти никакую информацию о «Путешествии в Америку»: в заметке говорится, что книга должна была выйти тиражом в 25 000 экземпляров, однако никаких сведений о том, вышла ли она, как была принята читателями и критиками и переиздавалась ли в дальнейшем, у нас нет.

Небольшую заметку путевым очеркам посвятил также журнал «Смена». Анонимный автор пересказал сюжет и отметил, что это произведение, «достойное массового издания в самое ближайшее время»². Как и другие критики, рецензент высоко оценил вывод, к которому пришли соавторы: «в могущественнейшей и богатейшей стране капитализма жить человеку плохо»³.

«Одноэтажная Америка», таким образом, была хорошо встречена в самых разных кругах: и в детском издательстве, и в молодежном журнале (которым являлась «Смена»), и в толстых литературно-критических журналах,

Путевые очерки Ильфа и Петрова получили также широкий отклик читателей. После выхода травелога отдельным изданием в издательство «Художественная литература» поступило много писем. Некоторые из них приводятся в издании «Одноэтажной Америки», которое было подготовлено к публикации А. И. Ильф в 2003 г.

В основном читатели, которым книга понравилась, отмечали одни и те же достоинства и недостатки «Одноэтажной Америки», и мнение их часто совпадало с точкой зрения критиков. Говоря о положительных сторонах

¹ Там же.

² [Б. п.] Одноэтажная Америка // Смена, 1937. №1. С. 25.

³ Там же.

книги, авторы писем упоминали увлекательность очерков, наблюдательность и тонкий юмор сатириков. Во многих отзывах присутствовала мысль о том, что книга – «блестящая агитация за социализм против капитализма» [Ильф, Петров 2020: 503]. Главной же отрицательной стороной очерков, по мнению читателей, было то, что в них «мало вскрыто положение трудящихся» [Ильф, Петров 2020: 500].

На основании тех писем, которые приводятся в издании «Одноэтажной Америки», подготовленном А. И. Ильф, можно говорить о том, что книга понравилась читателям разных возрастов и профессий: она помогла им получить представление о жизни в Америке, доставила удовольствие при чтении и показалась легкой и приятной.

В то же время мы не уверены, что приведенную выборку писем можно считать беспристрастной и объективной. С одной стороны, отрицательный отзыв в подборке все-таки присутствует («Эту книгу необходимо как можно скорее рекомендовать как спасительное, единственное и незаменимое средство всем страдающим от бессонницы» [Ильф, Петров 2020: 500–501]), а с другой стороны, вполне возможно, что подобных отзывов было больше, но они не были включены в издание.

В 1938 году в журнале «Интернациональная литература» были опубликованы выдержки из иностранных статей об «Одноэтажной Америке». О новой книге Ильфа и Петрова писали разные издания: как очень распространенные в Америке (The Philadelphia Inquirer, New York Herald Tribune), так и менее известные газеты (Saturday review of literature, Public Ledger – она когда-то была самой популярной газетой Филадельфии, но к середине 1930-х ее тираж снизился). Издания, в которых вышли статьи о книге Ильфа и Петрова, в основном придерживались демократических взглядов, а New Masses и вовсе была официальным органом коммунистической партии, поэтому их одобрительные отзывы на путевые очерки закономерны.

Приведем несколько комментариев критиков из тех, которые были опубликованы в «Интернациональной литературе».

«Это книга должна быть отмечена, как весьма значительное произведение. Американцы и Америка много выиграли бы, если бы поразмыслили над этими наблюдениями»¹.

«Это одна из лучших книг, написанных об Америке иностранцами. Приятное, но подчас беспокойное занятие – вновь открывать Америку, глядя глазами авторов этой книги»².

«Авторы резко подчеркивают парадоксы и дилеммы капиталистического пути»³ и т. д.

Заметка завершалась уточнением о том, что «ряд реакционных газет поместил на книгу отрицательные отзывы, богато уснащенные антисоветскими клеветническими выпадами и измышлениями»⁴, но в статье они не приводились: видимо, отрицательные отзывы о творчестве советских писателей могли высказывать только советские критики.

По выдержкам из критических статей, которые приведены в «Интернациональной литературе», трудно понять, как на самом деле отнеслись к путевым очеркам в США. Вероятно, книга Ильфа и Петрова получила одобрение тех изданий, которые придерживались взглядов, близких политике СССР. В целом, путевые очерки рассматривались в американской прессе примерно с той же позиции, что и в советских изданиях: авторы обращали внимание не на художественные особенности книги, а на то, насколько правдиво и точно в ней изображались разные аспекты американской жизни.

Кроме статей об «Одноэтажной Америке» в предвоенные годы (1938–1940) было опубликовано несколько заметок о записных книжках Ильфа.

Первое издание записей Ильфа было подготовлено к публикации Е. Петровым и вышло в 1939 году в издательстве «Советский писатель» с

¹ [Б. п.] Отклики на книгу Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» в США // Интернациональная литература, 1938. №4. С. 221.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

сильными цензурными сокращениями¹. Издание сопровождала вступительная статья Петрова и заметка А. Горнфельда «Из воспоминаний об Ильфе».

А. Горнфельду также принадлежала статья в «Литературной газете», посвященная записным книжкам Ильфа. Записки пленили Горнфельда «тонкой и умной наблюдательностью и какой-то благоуханной свежестью и чистотой»² (статья вышла в 1938 году, до выхода книги отдельным изданием, т. к. Горнфельд познакомился с записями Ильфа в «Литературной газете», в которой была опубликована часть заметок писателя). Критик отметил законченность записей, в которых он увидел не подготовительную работу к более крупной книге, а самостоятельное художественное произведение. Горнфельда как последователя А. А. Потебни волновали проблемы психологии творчества, поэтому его обращение к записным книжкам Ильфа было закономерным.

Критика в записях Ильфа интересовало не положение книги в текущей общественной и политической ситуации, а вопросы ее поэтики.

На наш взгляд, ценность статьи Горнфельда заключалась в том, что он отметил произведение Ильфа, внимание которому уделялось значительно реже, чем другим сочинениям сатириков. (Записные книжки интересовали критиков и исследователей гораздо меньше, чем сатирическая диалогия и «Одноэтажная Америка»).

Записям Ильфа также посвятил статью Е. Беркутов. Как и Горнфельд, он считал, что это произведение представляет самостоятельный интерес для изучения и что не стоит подходить к нему только с позиции изучения «лаборатории» творчества Ильфа. По мнению рецензента, они «раскрывают другую, лирическую, сторону его дарования»³.

В «Литературном критике» в 1940 году вышла статья о записных книжках Ильфа Ф. М. Левина. Критик и литературовед отмечал лиризм записей Ильфа, в которых чувствуется «душа умного, тонкого, честного и

¹ Ильф И. А. Записные книжки. М., 1939. 146 с.

² Горнфельд А. Записи Ильи Ильфа // Литературная газета, 1938. 10 декабря. С. 3.

³ Беркутов Е. «Записная книжка» Ильи Ильфа // Литературное обозрение, 1939. №23. С. 13.

чистого социалистического художника»¹. Видимо, рецензенты считали важным подчеркивать преданность Ильфа социализму не только в заметках об «Одноэтажной Америке», но и при анализе записных книжек писателя.

Говоря об особенном взгляде писателя на мир, Левин писал, что он отличается «прежде всего своеобразием, нешаблонностью, самостоятельностью мышления, свободой от тех ходячих штампов, которыми мыслит литературная посредственность»². На записные книжки Ильфа рецензент, таким образом, смотрел как на произведение, из которого многое можно узнать о взглядах писателя на разные стороны жизни.

Похожим образом о записных книжках Ильфа отзывались А. Мацкин³ (его заметка была опубликована в 1940 г. в «Известиях») и Б. Костин⁴ (статья в журнале «Ленинград», 1940 г.).

Критики, таким образом, смотрели на записные книжки примерно под одним углом: отмечали их самоценность, необычный взгляд Ильфа на мир и лиризм записей, умение автора видеть красоту в обыденном и привычном. Многие критики отмечали сходство стилей Ильфа и Чехова, ограничиваясь, как правило, просто упоминаниями, без дальнейшего анализа.

Во время войны практически не появлялось трудов, посвященных творчеству соавторов (ни романы, ни путевые очерки не привлекали внимания критики).

После войны, в 1946 году, небольшую заметку «Одноэтажной Америке» посвятил В. Б. Шкловский, который писал, что «Это спокойная, правдивая книга, полная иногда невеселой иронии. Это очень честная книга, очень хорошая книга»⁵. В 1934 году Шкловский высоко оценил «Золотого

¹ Левин Ф. Записная книжка Ильфа // Литературный критик, 1940. №1. С. 101.

² Там же, С. 93.

³ Мацкин А. Записные книжки Ильфа // Известия, 1940. 27 февраля.

⁴ Костин Б. Записи Ильфа // Ленинград, 1940. №19–20. С. 41–52.

⁵ Шкловский В. «Одноэтажная Америка» // Вокруг света, 1946. №1. С. 63.

теленка» Ильфа и Петрова¹, поэтому нам кажется закономерным, что другая книга соавторов тоже вызвала у него положительные впечатления.

Шкловский, находясь в 1920-х годах в эмиграции, написал книгу, в которой создан образ Берлина 20-х годов. Следовательно, жанр путевых очерков был в какой-то мере близок Шкловскому, и он мог оценить книгу Ильфа и Петрова несколько иначе, чем другие критики, у которых такого опыта не было.

Как и при анализе второго романа сатириков, рассматривая «Одноэтажную Америку», Шкловский, в отличие от других рецензентов, больше обращал внимание не на соответствие произведения идеологической линии, а на его художественные особенности.

В ноябре 1948 года постановлением Секретариата Союза советских писателей произведения Ильфа и Петрова были запрещены к печати: это было связано в основном с романами соавторов, которые Секретариат счел идеологически неблагонадежными и объявил «клеветой на советское общество»². Кроме того, после 1947 года ухудшились отношения СССР с Европой и США, началась борьба «с низкопоклонством перед Западом», поэтому и «Одноэтажная Америка» не могла уже считаться в достаточной мере «благонадежным» произведением.

В 1949 году в «Литературной газете» был помещен резко отрицательный отзыв Н. Атарова на книгу Ильфа и Петрова (другого отклика в условиях отношений, сложившихся с Западом, в газете, которая была органом Союза писателей СССР, вероятно, и не могло быть).

Статья Атарова была построена на сравнении произведения Ильфа и Петрова с творчеством Маяковского, которому авторы якобы проигрывали в разоблачении капитализма. Сатирики, по мнению Атарова, критиковали

¹ Шкловский В. Б. «Золотой телёнок» и старый плутовской роман // Литературная газета. М., 1934. 30 апреля. С. 4.

² Вождь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. С. 232.

Америку, но не обличали капиталистическую цивилизацию «во всей ее преступной, противочеловеческой сущности»¹, как это делал Маяковский.

Возможно, книга Ильфа и Петрова вызвала у Атарова такую реакцию потому, что для его творчества (и для творчества Маяковского, к которому критик относился с явной симпатией) был характерен другой стиль, более серьезный и строгий. Темы, к которым обращался Атаров, имели мало общего с «Одноэтажной Америкой». Автор писал рассказы о войне, очерки на морально-этические темы, некоторое время работал в журнале «Наше достижения», в котором освещались успехи советских людей на фабриках, заводах, в разных областях науки и техники. Путевые очерки могли показаться Атарову легкомысленными и недостаточно категорично выдержанными по отношению к капиталистической стране.

Вскоре «Одноэтажную Америку» поместили в спецхран. За цитирование книги можно было попасть в лагерь: «перед моими глазами проходили разные люди: не только “новенькие” – из провинившихся за войну или оккупацию, но и “ветераны” – кадры 30-х годов, успевшие отсидеть свою “ежовскую” десятку. Всех их – липовых “шпионов” и “диверсантов”, “троцкистов-зиновьевцев”, по “указу 7/8” – за собранные колоски, с закрытой дороги КВЖД или просто читателей-рассказчиков книги “Одноэтажная Америка” – снова загоняли за колючую проволоку...»².

Кроме откликов критики на новую книгу Ильфа и Петрова важно также упомянуть о письме³ соавторов Сталину, которое они написали, вернувшись из Америки (26 февраля 1936 г).

В письме авторы изложили свой взгляд на те особенности американской жизни, которые, по их мнению, Советскому Союзу стоит позаимствовать у Америки. Предложения, которые писатели выдвинули в письме секретарю ЦК ВКП(б) относились к разным областям жизни: от

¹ Атаров Н. Чему учиться у Маяковского? // Литературная газета, 1949. 1 октября. С. 3.

² Тарасенко И. Ф. Меня звали власовцем: воспоминания, свидетельства, документы, факты. Одесса, 2001. С. 218.

³ Вождь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. М., 2008. С. 144–151.

частных вопросов, связанных с развитием в стране кинематографа, до глобальных проблем, касающихся повышения бытового уровня страны в целом.

Письмо Ильфа и Петрова обсуждалось Сталиным и Б. З. Шумяцким (заместителем председателя комитета по делам искусств при СНК СССР по кинематографии) в феврале 1936 года. 27 февраля 1936 Шумяцкий написал Сталину письмо, в котором общий подход корреспондентов «Правды» к вопросам развития кино в Советском Союзе был охарактеризован как «поверхностный»¹, а их заявления названы «абсолютно бездоказательными»² и «непроверенными»³.

Через несколько дней, 9 марта 1936 года, состоялась беседа Шумяцкого со Сталиным, на которой присутствовали другие члены партии.

В ходе беседы Сталин спросил Шумяцкого о совете Ильфа и Петрова заменить настоящее солнце и «натуру» искусственным освещением и декорациями. Шумяцкий в это время занимался проектированием «советского Голливуда» в Крыму, поэтому критика идеи киногорода не могла ему понравиться. Шумяцкий рассказал Сталину, что «это брехня, что ни натуру, ни солнца не заменить ни фактически, ни экономически, что Ильф [и] Петр[ов] никого в Голливуде не видели, кроме трех известных нам людей, которые им ничего подобного их письму не говорили, что оба писателя, не зная английского языка, ходили с нашим переводчиком, который отрицает, чтобы кто бы то ни было им о ненужности киногорода говорил»⁴. В ответ на это Сталин, который был заинтересован в строительстве киногорода, сказал о корреспондентах: «Значит, просто болтали. Да это и ясно из их письма»⁵, а Г. К. Орджоникидзе с явной иронией выразился об Ильфе и Петрове как о «знатных путешественниках»⁶.

¹ Там же, С. 153.

² Там же, С. 154.

³ Там же.

⁴ Там же, С. 155.

⁵ Там же.

⁶ Там же, С. 156.

Приведенные высказывания руководителей страны говорят о том, что соображения писателей не были восприняты серьезно: так, например, в разговоре Сталина и Шумяцкого ни разу не упоминается вторая часть письма Ильфа и Петрова, в которой они говорят не о киногороде, а о развитии сервиса и повышении общего уровня жизни в стране.

Взгляды же соавторов на американскую жизнь, изложенные в письме, говорят о том, что Ильф и Петров стремились не просто к обличению капитализма и выполнению «социального заказа», а к объективному анализу жизни чужой страны.

В то же время для нас остается не вполне ясной реакция Сталина и его окружения на письмо соавторов. Как мы уже упоминали, писатели были отправлены в Америку в качестве корреспондентов газеты «Правда». Следовательно, поездка была одобрена и поддержана государством.

Можно было бы ожидать, что мнение Ильфа и Петрова об Америке вызовет интерес Сталина, что он обратит внимание на отдельные особенности американской жизни и решит внедрить их в СССР. Однако этого не произошло – генеральный секретарь отнесся к наблюдениям писателей с пренебрежением. В таком случае остается неясным, зачем было отправлять Ильфа и Петрова в США, тем более на такой продолжительный срок, если к их предложениям прислушиваться не планировали.

При этом в том же 1936 году Сталин послал в Америку А. И. Микояна для изучения кулинарной индустрии – и после возвращения наркома в СССР в стране началась реконструкция пищевой промышленности. Следовательно, наблюдения, сделанные Микояном, Сталин учел, чего нельзя сказать о мнении корреспондентов «Правды».

1.2. 1956–2022 гг.

«Одноэтажная Америка», как и другие произведения Ильфа и Петрова, не выходили вплоть до начала «оттепели». Запрет на издание их сочинений был снят только в 1956 году, когда были переизданы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и начали появляться первые научные труды о творчестве

писателей. «Одноэтажная Америка» была переиздана в 1961 году: она вошла в пятитомное собрание сочинений соавторов.

До начала 2000-х годов (когда «Одноэтажную Америку» подготовила к публикации А. И. Ильф, сопроводив ее ранее неизвестными материалами из личного архива) путевые очерки сатириков переиздавались 6 раз: в 1966, 1986, 1989, 1991, 1993 и 1996 годах (в 1996 году книга вошла в состав собрания сочинений Ильфа и Петрова). Этот факт показался нам значимым, поскольку путевые очерки переиздавались реже, чем диалогия: «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в период с 1956 по 2000 год выходили каждый по отдельности более полутора десятков раз.

Значительного отклика «Одноэтажная Америка» в этот период не получала. Возможно, это объясняется тем, что отношение к творчеству Ильфа и Петрова в советский период было сложным: они считались несерьезными писателями, которых сначала обвиняли в написании пасквилей на советскую власть, а позднее пытались «оправдать», доказывая, что они не были противниками политического режима. Если литературоведы и обращались к изучению творческого наследия соавторов, то их в основном интересовала диалогия: история ее написания, текстология, поэтика и т. д.

Отсутствие интереса к путевым очеркам Ильфа и Петрова могло объясняться и натянутыми отношениями с США: после окончания Отечественной войны началась «холодная война» и исследования об «Одноэтажной Америке» вряд ли получили бы одобрение в СССР.

Творчеству Ильфа и Петрова, однако, была посвящена статья А. Н. Меньшутина, которая вошла в состав «Истории русской советской литературы»¹ в 3-х томах и «Истории русской литературы»² в 4-х томах А. Г. Дементьева.

¹История русской советской литературы: в 3 т. Т. 2. М., 1960. 635 с.

²История русской советской литературы. 1917–1965: в 4 т. Т. 2. М., 1967. 666 с.

Отметим, что Дементьеву принадлежала статья, опубликованная в 1949 г.. В ней он относил Ильфа и Петрова к «одесской группе литераторов»¹, которая «находилась на декадентских позициях и как никакая другая группа в литературе была заражена низкопоклонством перед иностранщиной»². В начале 60-х гг., однако, мнение Дементьева о творчестве сатириков внезапно изменилось. В 1961 г. он участвовал в издании пятитомного собрания сочинений соавторов, а в оба издания «Истории русской литературы» включил главу, которая была написана Меньшутиним и явно не коррелировала с позицией автора статьи 1949-го г.

В главе давалась характеристика творчеству Ильфа и Петрова, которое автор явно одобрял. Кроме того, в ней проявлялась особенность, характерная для многих заметок и книг об Ильфе и Петрове, которые вышли вскоре после снятия запрета на их произведения: Меньшутин пытался оправдать соавторов, подчеркнуть их «благонадежность».

Так, говоря об отзывах критиков на «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца», автор писал, что «нет надобности прибегать к сгущению красок и рисовать все в мрачных тонах»³, поскольку в откликах «в целом преобладал довольно доброжелательный тон»⁴. Видимо, «преобладанием доброжелательного тона» Меньшутин называл молчание рецензентов, которым был встречен выход «Двенадцати стульев» (о них не написал ни один крупный журнал), и увольнение главного редактора журнала «30 дней» за то, что тот продолжил печатать «Золотого тельца» вопреки запрету Б. М. Волина.

В нападках на Ильфа и Петрова, по мнению Меньшутина, виноваты были рапповские критики и «общая слабая разработанность вопросов сатиры»⁵. «Одноэтажную Америку» же автор считал продолжением

¹ Дементьев А. Г. Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии. Звезда, 1949. №3. С. 205–207

² Там же.

³ История русской советской литературы: в 3 т. Т. 2. С. 301.

⁴ Там же.

⁵ Там же, С. 302.

«магистральной линии» творчества писателей, которые начали разоблачение пережитков капитализма с дилогии и фельетонов, а продолжили – в «Одноэтажной Америке».

Как и критики 1930–1940-х годов, Меньшутин особенно подчеркивал, что в книге происходит разоблачение «самого существа капиталистических отношений»¹. Проанализировав несколько эпизодов, автор заключил, что «в изображении зарубежного капиталистического мира советская литература плодотворно развивает боевые традиции Горького и Маяковского. Мимо этих традиций не прошли и Ильф и Петров»². Если Меньшутин действительно стремился оправдать сатириков в глазах исследователей и властей, то, вероятно, упоминание их в одном ряду с Горьким и Маяковским должно было помочь ему в достижении цели, поскольку эти писатели считались основоположниками соцреализма и их авторитет в СССР был очень велик.

Скажем также о том, что писали об «Одноэтажной Америке» друзья соавторов в сборнике воспоминаний, посвященном писателям, который вышел в 1963 г. В их отзывах, как и в критических статьях конца 1930-х г., в основном подчеркивается разница в отношении соавторов к капиталистическому и социалистическому миру, предпочтение ими социалистического строя общества.

Так, Л. Славин писал об «Одноэтажной Америке»: «Книга эта стоит, на мой взгляд, несколько не ниже сатирических романов Ильфа и Петрова, а местами по силе изображения и выше. Порочность общественного строя США вскрыта глубоко и притом без вульгарного и бездоказательного приема окарикатуривания отдельных американцев, а художественно сильными картинами теневых сторон американского образа жизни»³. Славин был другом Ильфа и Петрова и их коллегой по «Гудку», поэтому его положительное отношение к книге представляется нам закономерным.

¹ Там же, С. 317.

² Там же, С. 219.

³ Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове М., 1963. С. 48.

Похожий по настроению отзыв об «Одноэтажной Америке» принадлежит Ю. К. Олеше, который писал: «Это – превосходная книга. Она полна уважения к человеческой личности. В ней величаво восхваляется труд человека. Это книга об инженерах, о сооружениях техники, побеждающих природу. Это книга благородная, тонкая и поэтическая. В ней необычайно ярко проявляется то новое отношение к миру, которое свойственно людям нашей страны и которое можно назвать советским духом. Это книга о богатстве природы и человеческой души. Она пронизана возмущением против капиталистического рабства и нежностью к стране социализма»¹.

Как и Славин, Олеша работал с соавторами в «Гудке» и дружил с Ильфом, с которым познакомился еще в Одессе в 1920 г. Многочисленные воспоминания Олеша об Ильфе говорят о том, что он уважал и ценил его как друга и как писателя. После выхода «Двенадцати стульев» в 1928 г., когда критика практически не отреагировала на роман, Олеша был одним из немногих, кто написал о новом произведении и поддержал Ильфа и Петрова. Следовательно, положительный отзыв Олеша об «Одноэтажной Америке» также нельзя назвать неожиданным.

«Одноэтажной Америке» была посвящена одна из глав монографии Л. М. Яновской «Почему вы пишете смешно?».

Яновская была первой, кто предпринял попытку атрибутировать некоторые главы путевых очерков². Мы не полностью согласны с распределением глав, которое предложила Яновская, однако подробнее об этой проблеме будет сказано в третьей главе работы.

В ее монографии помимо мыслей, которые уже в том или ином виде высказывались рецензентами, есть также несколько значимых наблюдений об «Одноэтажной Америке», каждое из которых или уже стало, или может стать основой будущего исследования.

¹ Там же, С. 27.

² Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? С. 27–28.

Так, Яновская много говорит об особенностях сатиры и юмора в путевых очерках и его отличии от сатиры дилогии и фельетонов Ильфа и Петрова: «По-настоящему сатиричны в книге страницы об американском кино и об американской церкви, этих двух главных способах околпачивания рядового американца (телевидения тогда еще не было). Но и здесь нет ни веселья юмористической сатиры «Золотого тельца», ни фантазии и гротеска «Веселящейся единицы»¹.

«В «Одноэтажной Америке» сатира Ильфа и Петрова, в тех немногих местах, где она явственно прорывается, приобретает новые краски. Не только юмора и гротеска, но даже прямого обличения, которое так характерно для их правдинских фельетонов, здесь нет»².

Сравнение путевых очерков Ильфа и Петрова с их дилогией и фельетонами в этом аспекте является, на наш взгляд, актуальной проблемой исследования творчества соавторов.

Яновская также обращает внимание на то, что в травелоге «больше рассказывается о мистере и миссис Адамс и меньше об авторах»³. Способы создания образов Адамсов и их сходство с некоторыми персонажами романов Ильфа и Петрова (например, мистер Адамс напоминает Авессалома Изнуренкова из «Двенадцати стульев»), на наш взгляд, еще недостаточно изучены, и этот вопрос тоже мог бы стать темой исследования.

Таким образом, в отличие от авторов критических статей, Яновская не давала оценок травелогам, а начала его научное осмысление и поставила ряд литературоведческих проблем, связанных с текстом.

О путевых очерках упоминал и Я. С. Лурье в книге⁴ об Ильфе и Петрове. Его монография вышла во Франции – не в СССР – и, кроме того, под псевдонимом (А. А. Курдюмов): это позволяло автору более свободно

¹ Там же, С. 192.

² Там же, С. 193.

³ Там же, С. 188.

⁴ Курдюмов А. А. [Лурье Я. С.] В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. 296 с.

высказывать мнение о писателях, к которым в Советском Союзе сохранялось неоднозначное отношение.

Исследователя интересовали не столько литературоведческие вопросы, сколько социальные и политические трудности, связанные с публикацией и восприятием текстов сатириков.

Об «Одноэтажной Америке» Лурье писал, что «цель ее, скорее конструктивная и реформаторская, – стремление понять недостатки и достоинства американской жизни и заимствовать кое-какие достижения великой индустриальной державы»¹. Лурье противопоставлял Америку Ильфа и Петрова каноническим текстам Горького и Маяковского о США, на которые одни писатели ориентировались в большей степени, а другие (как Ильф и Петров) – в меньшей.

Путевым очеркам в монографии уделено не так много внимания, как другим текстам Ильфа и Петрова, но из комментариев Лурье видно, что он не преследовал цели оправдать писателей или обвинить их в том, что они недостаточно обличили капитализм. Автор стремился проанализировать книгу, понять мнение Ильфа и Петрова об Америке и положение очерков в общественно-литературной ситуации, а не высказать эмоциональные оценки о «благонадежности» писателей.

Интерес к «Одноэтажной Америке» и к дневникам Ильфа вновь возникает у исследователей в начале XX века. В 2003 году вышло издание, подготовленное А. И. Ильф. Путевые очерки были опубликованы без цензурных сокращений, в издание были включены материалы из личного архива А. И. Ильф.

В начале 2000-х также вышла книга А. М. Эткинда². Автор анализировал тексты разных писателей об Америке, соединяя литературоведческий анализ с исследованием исторического контекста и

¹ Там же, С. 193.

² Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. 496 с.

политических взаимоотношений СССР и США. Одна из глав книги была посвящена путевым очеркам Ильфа и Петрова.

По мнению автора, «Одноэтажная Америка» была кульминацией американского текста советской литературы: соавторы обращались к уже известным мотивам, но жизнь в СССР изменилась, США и Советский Союз стремились к сближению, и «травелог советских сатириков, полный симпатии к Америке и американцам, играл в этом сближении свою роль»¹.

По мнению Эткинда, «в отличие от Троцкого или Маяковского, Ильф и Петров не заблуждались в оценке задачи»², которую они видели в том, чтобы перенять у американцев лучшие черты их характера (умение вести дела, пунктуальность, честность, трудоспособность), не сдерживая свои восхищения американским уровнем сервиса и техники.

Автор считает, что раньше в текстах советских авторов о США Россия и Америка изображались как «стратегические партнеры-враги, которые делят между собою судьбы мира»³: Пильняку просто не нравилась Америка и он написал об этом в романе «О'кей», Есенин, уезжая за океан, получил «заказ от всемогущего вождя»⁴ (Л. Д. Троцкого) и не мог с симпатией написать о США, «впечатления Маяковского [об Америке – П. М.] полны классового анализа». У Ильфа и Петрова США показаны иначе: соавторы не только отнеслись к Америке с восхищением, но и написали о том, что можно было бы позаимствовать у нее для развития СССР. Такой подход значительно отличался от подходов предыдущих писателей.

Кроме монографий, в первой четверти XXI века появляются статьи, посвященные исследованию разных аспектов путевых очерков.

В трудах лингвистов рассматривались следующие проблемы: специфика взаимодействия в «Одноэтажной Америке» русского и английского

¹ Там же, С. 166.

² Там же, С. 168.

³ Там же, С. 150–151.

⁴ Там же, С. 149.

языка¹, особенности перевода путевых очерков на другие языки², способы описания Америки в целом и Нью-Йорка в частности (с использованием метода контент-анализа)³ и др.

В статьях литературоведов тревелог также анализировался с разных сторон.

Так, работы О. Б. Арчаковой и Т. О. Деомидовой⁴ с новой стороны осветили проблему создания образа американца в путевых очерках Ильфа и Петрова. Критики и исследователи и раньше изучали особенности изображения американцев в книге соавторов, но выделение конкретных методов, с помощью которых он создавался, и сопоставление «Одноэтажной Америки» с текстом Б. Полевого с этой точки зрения было проведено именно Арчаковой и Деомидовой. Сопоставление это, на наш взгляд, может быть продолжено, поскольку в приведенных статьях были заложены возможные – и перспективные – векторы будущего сравнения.

В статье Е. В. Богачевой предпринимается попытка определить специфику жанра тревелога как текста, который сочетает черты публицистического, документального и художественного жанра⁵. Проблема жанра «Одноэтажной Америки» кажется нам интересным направлением дальнейшего исследования: было бы интересно установить конкретные приемы, с помощью которых документальный материал превратился в художественный текст.

¹ Агапова И. В. Структурные особенности кодовых переключений в произведении Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». С. 3–5.

² Ермолина М. В., Широких И. А. Об «Одноэтажной Америке» или «Little Golden America» И. Ильфа и Е. Петрова. С. 26–31.

³ Лыткина О. И. «Американский текст» в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Вопросы русской литературы, 2015. №3 (33). С. 10–17. См.: Лыткина О. И. Нью-Йорк как литературно-географический феномен в путевых очерках И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. №2-2. С. 449–453.

⁴ Арчакова О. Б., Деомидова Т. О. Путевые очерки об Америке в советской прессе («Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова, «Американские дневники» Б. Полевого) // Журналистский ежегодник, 2012. №1. С. 56–58. См.: Арчакова О. Б., Деомидова Т. О. Образ американца в путевых очерках И. Ильфа, Е. Петрова «Одноэтажная Америка» и Б. Полевого «Американские дневники» // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки, 2014. №66. С. 133–139.

⁵ Богачева Е. В. Жанровые особенности книги И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Преподаватель XXI век, 2010. №2-2. С. 343–351.

В статьях¹ и монографии² Е. Р. Пономарева были описаны механизмы осмысления Америки, характерные в целом для советских писателей (не только для Ильфа и Петрова).

Тексты о путешествиях советских писателей на Запад 1920–1930х гг. анализировались в трудах Пономарева как «органическое единство идеологических, коммуникативных и эстетических значений»³.

Подход исследователя, вероятно, можно назвать структуралистским. Разграничивая сами путешествия писателей на Запад и тексты и них, он рассматривал тревелог не просто как отчет о совершенной поездке, но как «ситуацию культурного слома, столкновения культур»⁴. Пономарева интересовали изменения, которые происходили в 1920–1930-е годы в поэтике тревелога, без значительной опоры на социальный и политический контекст этих изменений.

Рассматривая тексты об Америке (в том числе путевые очерки Ильфа и Петрова), Пономарев обращал внимание на «единый метафорический ряд, не просто украшающий путевые впечатления, а формирующий определенный идеологический облик страны классового врага. Метафорический ряд, единый для всех американских путешествий, оказывается в этих текстах важнее сюжетов»⁵.

Произведения Есенина, Маяковского, Пильняка, Ильфа и Петрова о США объединяются в единый Текст: в них создается миф об Америке как об иной реальности, призрачной стране, в которой всем правит доллар и капитал. Развернутой метафорой капиталистического общества становится конвейер, который эксплуатирует людей, подчиняя их себе.

¹ Пономарев Е. Р. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920–1930-х гг. Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2012. №1 (10). С. 29–42. См.: Пономарев Е. Р. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920–1930-х гг. Часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2012. №2 (11). С. 26–34.

² Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 412 с.

³ Там же, С. 29.

⁴ Там же, С. 20.

⁵ Там же, С. 321.

Проанализировав советскую литературу путешествий за два десятилетия, Пономарев делает вывод, что в основе развития метажанра лежала смена коммуникационных типов, с помощью которых выстраивались отношения между путешественником и чужой культурой, между поездкой и текстом о ней.

Советское путешествие прошло путь от «агитационного путешествия»¹ (стремления распространить социализм на Европу) через более спокойные отношения между странами к «тоталитарной (имперской) коммуникации»², при которой советский путешественник считает свою систему ценностей единственно правильной и сражается с ложной системой западных ценностей.

Травелог Ильфа и Петрова может быть отнесен к разряду «тоталитарных путешествий» (социализм воспринимался авторами как единственно верная идеология), но при этом он выбивается из ряда «тоталитарного путешествия», поскольку содержит либеральные элементы. Авторы путевых очерков не просто описывают США в традиционных клише, а ищут возможность заимствования лучших сторон капитализма, которые можно было бы развивать в СССР.

Книга Ильфа и Петрова занимает важное место в едином Тексте советских писателей о США: в ней прослеживаются идеи и мотивы, характерные для произведений Есенина, Маяковского и Пильняка и складывающиеся в единый миф об Америке. При этом путевые очерки существенно отличаются от этих текстов. Кроме того, Ильф и Петров часто сопрягают мотивы, встречавшиеся в текстах других авторов об Америке.

Таким образом, Пономарев рассмотрел тексты о поездках на Запад с точки зрения того, как в них пересекаются разные культурные коды и как система советских идеологем влияет на восприятие авторами капиталистических стран. Это значительно отличает исследование Пономарева от предыдущих работ о путевых очерках Ильфа и Петрова.

¹ Там же, С. 395.

² Там же.

В последние годы статьи «Одноэтажной Америке» посвятили еще несколько исследователей.

Так, О. А. Лекманов проанализировал то, как доброжелательное отношение к американцам совмещается в путевых очерков с искренней любовью писателей к СССР¹. Лекманов отмечает, что в портретах конкретных американцев авторы практически никогда не прибегают к сатирической карикатуре. В обобщающих же суждениях об Америке они часто «выступают в роли беспощадных критиков»² устройства страны. Именно с обобщенным образом США Ильф и Петров предпочитают сравнивать СССР, отдавая предпочтение своей стране.

Лекманов приходит к выводу, что *«люди* [курсив автора – П. М.] *изображаются в “Одноэтажной Америке” с любовью, а государство – с неприязнью»*³. Сравнивая путевые очерки сатириков с дилогией, автор отмечает, что в романах государство и граждане соотносятся обратным образом: высмеивая реальный социализм, писатели испытывают искреннее восхищение перед будущем СССР. Но, поскольку Америка прямо противоположна Советскому Союзу, то «абсолютный плюс сменяется абсолютным минусом; минус – плюсом»⁴.

На наш взгляд, статья Лекманова интересна тем, что известные тезисы – отношение Ильфа и Петрова к СССР и Америке, их мнение об американцах – рассматриваются в ней под новым углом и обобщаются до особенностей творчества соавторов в целом. Интересны параллели, проведенные между травелогом и романами Ильфа и Петрова. Эти книги редко сравнивают, в то время как их сопоставление позволило бы установить общие черты поэтики соавторов.

Завершая обзор критической и научной литературы о путевых очерках, обратимся к статьям Г. А. Жиличевой.

¹ Лекманов О. А. Америка и американцы в последней книге Ильфа и Петрова // Вопросы литературы, 2015. №3. С. 359–368.

² Там же, С. 362.

³ Там же, С. 368.

⁴ Там же.

В одной из ее работ¹ доказывається, что сюжет травелога организуется по принципу амбивалентности. Этот принцип поэтики Ильфа и Петрова был обнаружен Щегловым, который считал, что для творчества соавторов характерна смысловая неоднозначность: пародийная трансформация штампов и одновременное создание индивидуальных художественных приемов. Жиличева показывает, что этот прием организует повествование не только в диалогии, но и в «Одноэтажной Америке».

Автор видит проявление двойственности, например, в том, что писатели одновременно восхищаются чужим миром и в то же время стремятся девальвировать его ценности. Эта черта характерна для большинства произведений о путешествиях советского человека на Запад, но особенность «Одноэтажной Америки» заключается в том, что у Ильфа и Петрова не происходит трансформация травелога в агитационное произведение.

Двойственность обнаруживается и на уровне жанра: «Одноэтажная Америка» сочетает в себе черты очерка и романа, фельетонные части могут чередоваться с лирическими отступлениями.

Наконец, амбивалентность, по мнению Жиличевой, проявляется в том, что Америка в травелоге сама предстает как текст, который нужно прочитать. «Написание текста уравнивается с чтением и “просмотром” Америки, которая, в свою очередь, совпадает с образом, воображенным в детстве и навеянным чтением книг»². Такому восприятию страны способствуют и многочисленные литературные ассоциации, возникающие у авторов во время путешествия.

Значение труда Жиличевой, на наш взгляд, состоит в том, что в статье обозначается один из принципов композиционной организации травелога. Анализ, проведенный автором, доказывает, что метод двойного кодирования характерен для разных произведений Ильфа и Петрова (не только для романов). Это позволяет сделать выводы об особенностях поэтики и других текстов соавторов.

¹ Жиличева Г. А. Дискурс путешествия в «Одноэтажной Америке» И. Ильфа и Евг. Петрова. // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск, 2015. С. 563–579.

² Там же, С. 577.

Во второй работе Жиличева¹ сопоставляет «Одноэтажную Америку» с записными книжкам Ильфа и выявляет повествовательные стратегии травелога.

По мнению автора, Ильф часто оформляет записи в виде перечней событий, которые потом могут быть развернуты в текст любого объема. Трансформируя материал из списка в историю, Ильф воспроизводит в памяти событие, причем воспоминание у писателя базируется обычно на зрительном впечатлении. Если Петрова больше интересует рефлексия над увиденным, то Ильф тяготеет к изображению самой ситуации. Жиличева связывает эту особенность его видения с интересом Ильфа к фотографии. С этим же увлечением писателя, по мнению автора статьи, связано использование в дневниках приемов киноповествования.

Жиличева приходит к выводу, что указанные нарративные особенности записей Ильфа «позволяют повествователю “присвоить” увиденное, вписать авторскую интенцию в зафиксированную картину. При этом “овнешнение” истории соотносится с переходом “я” в “мы”, а ярким способом включения в чужое пространство является “нарративизация” реальности посредством литературных ассоциаций»².

В связи с этим Жиличева выделяет конструктивные аспекты травелога, которые обнаруживаются при его сопоставлении с записными книжками Ильфа. Это оформление путевых очерков с помощью «мы-повествования»; использование писателями приемов киноязыка; сопоставление путешествия с чтением, восприятие Америки через призму литературных ассоциаций.

В статьях Жиличевой, таким образом, «Одноэтажная Америка» была проанализирована с новой стороны. Жиличева выявила повествовательные стратегии «Одноэтажной Америки» и показала, как в травелоге проявляется принцип двойного кодирования, обнаруженный Щегловым.

Подведем итог обзора литературы, написанной о путевых очерках.

¹ Жиличева Г. А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа, Евг. Петрова (записные книжки, «Одноэтажная Америка») // Новый филологический вестник, 2018. №2(45). С. 27–38.

² Там же, С. 37.

«Одноэтажную Америку» напечатали в «Знамени», «Роман-газете» и «Художественной литературе» – авторитетных изданиях СССР (и главные редакторы при этом не пострадали, в отличие от В. С. Соловьева, который был уволен за то, что напечатал «Золотого тельца» в журнале «30 дней»).

Травелог и записные книжки Ильфа после публикации получили одобрительные отзывы критиков в главных журналах и газетах СССР (в отличие от «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца»): о них писали «Известия», «Литературный критик», «Звезда», «Правда», «Ленинград» и др. Критиков в основном интересовало то, насколько Ильфу и Петрову удалось показать преимущества социализма перед капитализмом и обличить «капиталистическое зло», которое скрывается за внешне привлекательной американской жизнью. Книга Ильфа и Петрова была высоко оценена А. Н. Толстым – человеком, близким к власти и имевшим довольно большое влияние.

Однако «Одноэтажная Америка» не получила одобрения Сталина, а в 1949 году ее, как и другие книги Ильфа и Петрова, запретили переиздавать и поместили в спецхран.

В начале «оттепели» произведения Ильфа и Петрова были переизданы и некоторые исследователи стали оправдывать писателей, доказывая их преданность социализму. «Одноэтажная Америка», однако, не вызвала большого интереса ученых. В период с 1956 по 2000-е годы о ней и о записных книжках Ильфа практически не писали.

В начале XXI в. «Одноэтажная Америка» вновь стала интересовать исследователей. Возможно, это было связано с тем, что в 1990–2000-е гг. литература путешествий в целом стала представлять больший интерес для изучения. До 1980-х г. этот жанр считался второсортной темой, а в 1990–2000-е гг., как пишет Пономарев, «путешествия превратились в одну из центральных проблем литературоведения»¹.

¹ Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. С. 17.

При этом «Одноэтажная Америка» и записные книжки Ильфа до сих пор остаются неизученными во многих аспектах. Так, до сих пор не установлен основной вариант текста травелога, а главы книги не распределены между соавторами. Попытка решения этих проблем и будет предпринята в нашей работе.

Глава 2. «Одноэтажная Америка»: проблема текста

Чтобы установить основной вариант текста травелога, мы сравнили четыре издания «Одноэтажной Америки»: книгу, которая вышла в издательстве «Советский писатель» в (1937 г.), издание, вошедшее в четырехтомное собрание сочинений Ильфа и Петрова (1939 г.), вариант, включенный в пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова (1961 г.), и авторскую редакцию А. И. Ильф (2003 г.).

Между этими изданиями есть отличия двух планов: разница в орфографии и пунктуации и цензурные вмешательства в текст.

Начнем с орфографических и пунктуационных различий.

В издании 1937 и 1939 г. использовано написание «эксплоатация»^{1,2}, «с беконом»³ [Собрание сочинений 1939: 99], «чорт»⁴, [Собрание сочинений 1939: 18] и т. д. В собрании сочинений 1961 г. появляется новый вариант орфографии: «эксплуатация»⁵, «с беконом» [Собрание сочинений 1961: 118], «черт» [Собрание сочинений 1961: 24] и т. д.

Разница в написании, видимо, связана с реформами орфографии: в 1961 г. издатели исправляли орфографию на более современную.

Интересно, что А. И. Ильф при публикации своей версии текста чаще выбирает вариант, использованный в издании 1937 г., но иногда использует современную орфографию, как в случае с «беконом» [Ильф, Петров 2020: 111].

Вопрос о написании таких слов, как «сабвей» и «бэби», решался издателями по-разному.

¹ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М., 1937. С. 7.

² Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1939. С. 10. Далее ссылки на это издание даны в тексте в квадратных скобках: [Собрание сочинений 1939: 10].

³ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка., С. 12.

⁴ Там же, С. 16.

⁵ Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М., 1961. С. 12. Далее ссылки на это издание даны в тексте в квадратных скобках: [Собрание сочинений 1961: 12].

Написание «бэби»¹, [Собрание сочинений 1939: 67], [Ильф, Петров 2020: 79] использовано во всех изданиях, кроме собрания сочинений 1961 г., где слово пишется через «е» («беби» [Собрание сочинений 1961: 81]).

В издании 1937 г. и в редакции А. И. Ильф выбрано написание «сабвей»² [Ильф, Петров 2020: 23]. В собраниях сочинений издатели предпочли вариант «собвей» [Собрание сочинений 1939: 14], [Собрание сочинений 1961: 18].

Видимо, вопрос о том, какого написания придерживаться при переиздании путевых очерков в каждом конкретном случае, еще предстоит решить.

Пунктуационные различия представляют собой исправление ошибок или замену одного знака другим, эквивалентным ему.

Так, в изданиях 1937 г., 1939 г. и 1961 г. не ставится тире между подлежащим и сказуемым в следующем предложении: «Нью-Йорк один из немногих городов мира...»³ [Собрание сочинений 1939: 15], [Собрание сочинений 1961: 20].

А. И. Ильф в своей редакции добавляет тире: «Нью-Йорк – один из немногих городов мира...» [Ильф, Петров 2020: 24].

В издании 1937, 1939 и 1961 г. американский кафетерий описан следующим образом: «Но вот беда, — вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна»⁴ [Ильф, Петров 2020: 27], [Собрание сочинений 1939: 30], [Собрание сочинений 1961: 38].

А. И. Ильф при подготовке своего издания заменяет запятую и тире на двоеточие: «Но вот беда: вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна» [Ильф, Петров 2020: 41].

Перейдем теперь к изменениям, которые были внесены цензурой при издании собраний сочинений Ильфа и Петрова 1939 и 1961 г. Изменения проявились в том, что из текста убрали упоминания Сталина, Чарльза

¹ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. С. 63.

² Там же, С. 12.

³ Там же, С. 13.

⁴ Там же, С. 27.

Линдберга и репрессированных общественных деятелей и сократили эпизоды с участием Генри Форда.

Мы считаем изменения, о которых далее пойдет речь, именно цензурной правкой, поскольку собрание сочинений 1961 г. выходило после смерти обоих авторов травелога, а собрание сочинений 1939 г. — после смерти Ильфа. Следовательно, допустить, что к сокращению текста был причастен кто-то из его авторов, трудно.

В примечаниях к собранию сочинений 1961 г. говорится, что «Одноэтажная Америка» печатается по изданию 1939 г. [Собрание сочинений 1961: 591]. Сравнение этих двух изданий травелога, однако, показало, что между текстом 1939 и текстом 1961 г. есть отличия.

Многие фрагменты текста, которых нет в собрании сочинений 1961 г., были вырезаны цензурой еще в 1939 г. Но при издании пятитомного собрания сочинений в текст было внесено еще несколько исправлений.

Перед отъездом в Америку Ильф и Петров обращались к знакомым, которые побывали в США, чтобы они написали им рекомендательные письма к своим друзьям. Об этом рассказано в шестой главе травелога. При подготовке собрания сочинений в 1939 г. цензор вносит изменение в эту главу по сравнению с первым изданием.

В издании 1937 г. эпизод выглядел следующим образом:

«Через неделю тяжелого труда мы стали обладателями писем, адресованных губернаторам, актерам, редакторам, сенаторам, женщине-фотографу и просто хорошим людям, в том числе негритянскому пастору и зубному врачу, выходцу из Проскурова.

Когда мы показали свое, накопленное с таким трудом добро Жану Львовичу Аренсу, нашему генеральному консулу в Нью-Йорке, он побледнел.

— Для того чтобы увидеться с каждым из этих людей в отдельности, вам понадобится два года.

— Как же быть?

– Лучше всего было бы уложить эти письма снова в чемодан и уехать обратно в Москву. Но раз уж вы все равно здесь, надо будет для вас что-нибудь придумать.

Впоследствии мы не раз убеждались, что консул всегда может что-нибудь придумать, если в этом встречалась необходимость...»¹.

Таким же образом этот эпизод выглядит в авторской редакции А. И. Ильф [Ильф, Петров 2020: 52–53].

В собраниях сочинений 1939 и 1961 г. от диалога с консулом остается одна фраза:

«Через неделю тяжелого труда мы стали обладателями писем, адресованных губернаторам, актерам, редакторам, сенаторам, женщине-фотографу и просто хорошим людям, в том числе негритянскому пастору и зубному врачу, выходцу из Проскурова.

Для того чтобы увидеться с каждым из этих людей в отдельности, понадобилось бы два года. Как же быть? [курсив мой — П.М.]» [Собрание сочинений 1939: 41], [Собрание сочинений 1961: 52].

Иван (Жан) Львович Аренс в эпизоде не упоминается. Вероятно, отсутствие этого фрагмента в издании 1939 г. можно объяснить тем, что в 1937 г. Аренс был репрессирован по обвинению в шпионаже.

В декабре 1956 г. его реабилитировали, но, видимо, упомянуть его собрании сочинений 1961 г. было всё еще невозможно.

В шестой главе мы также обнаружили правку, которая была внесена в текст цензурой при подготовке собрания сочинений 1961 г.: из текста был удален фрагмент фразы про Луи Фишера.

В издании 1937, 1939 и 2003 г. предложение приведено полностью: «Колоссальный улов ожидал нас у Луи Фишера, журналиста, хорошо известного в американских левых кругах»² [Собрание сочинений 1939: 41], [Ильф, Петров 2020: 52].

¹ Там же, С. 37.

² Там же.

В собрании сочинений 1961 г. говорится про «колоссальный улов», полученный от Луи Фишера, но дополнения про журналиста, «хорошо известного в американских левых кругах», нет [Собрание сочинений: 51].

Луи Фишер до конца 1930-х гг. положительно относился к советскому союзу: в 1922 г. он поехал в Россию и провел там 14 лет, информируя американских читателей о положении страны. Он также был автором исследований о Советском Союзе («Почему нужно признать Россию» (1931), «Машины и люди в России» (1932) и др).

В годы «большого террора» Фишер начал сомневаться в коммунизме, а советско-германский пакт 1939 г. заставил его окончательно в нем разочароваться. В 1940–1950-е гг. Фишер написал еще несколько работ об СССР, в которых осуждал сталинский тоталитарный режим («Сталин и Гитлер» (1940), «Жизнь и смерть Сталина» (1952) и др.).

Упоминание Фишера в изданиях 1937 и 1939 г. вопросов не вызывает. Интересно то, что его имя сохраняется в издании 1961 г., несмотря на изменившееся отношение журналиста к СССР.

Вероятно, это можно объяснить тем, что период конца 1950-х — начала 1960-х гг. характеризовался развенчанием культа личности Сталина, к которому Луи Фишер, как уже было сказано, относился отрицательно. Следовательно, в этом вопросе его позиция совпадала с позицией партии. Упомянуть Луи Фишера в издании 1961 г. было можно, но, поскольку он больше не сочувствовал коммунизму, говорить о его известности в «американских левых кругах» было неуместно.

Во время путешествия по Америке Ильф и Петров заезжали в молоканскую общину.

В изданиях 1937 и 2003 г. при описании этого визита упоминается одна деталь: «Для того чтобы доставить нам удовольствие, молокане с большим

воодушевлением спели песню Демьяна Бедного – “Как родная меня мать провожала”»¹ [Ильф, Петров 2020: 299].

В издании 1939 г. этот фрагмент был перефразирован и сокращен: «Напоследок, уже стоя, молокане повторили “Как родная меня мать провожала”, — и мы вышли на улицу» [Собрание сочинений 1939: 278], — упоминание автора песни вырезали из текста.

В собрании сочинений 1961 г. воспроизводится версия эпизода из издания 1937 г., но без упоминания имени Демьяна Бедного (т. е., как в четырехтомном собрании сочинений): «Для того чтобы доставить нам удовольствие, молокане с большим воодушевлением спели песню “Как родная меня мать провожала”» [Собрание сочинений 1961: 322].

Вероятно, имя Демьяна Бедного в 1939 г. было исключено из текста потому, что в 1930-е гг. ЦК ВКП(б) стало осуждать творчество Д. Бедного, обвиняя поэта в клевете на СССР. Остается, однако, не вполне понятным, почему в 1961 г. имя автора песни не вернули в текст. Учитывая то, что в 1953—1954 гг. вышло пятитомное собрание сочинений Демьяна Бедного, а в 1956 г. он был восстановлен в КПСС.

Глава о посещении молоканской общины заканчивается в изданиях 1937, 1939 и 2003 г. одинаково: «...здесь в какой-то добровольной тюрьме сидели люди со своими русскими песнями и русским чаем, сидели со своей тоской огромные люди, почти великаны, потерявшие родину, но помнящие о ней ежеминутно *и повесившие в память о ней портрет Сталина* [курсив мой — П.М.]»² [Собрание сочинений 1939: 278], [Ильф, Петров 2020: 300].

При подготовке собрания сочинений 1961 г. цензор исключает из текста конец фразы (выделенный курсивом) – про портрет Сталина в этом издании не говорится [Собрание сочинений 1961: 323]. Было бы странно, если бы в годы развенчания культа личности цензура сохранила в тексте такую деталь молоканского интерьера.

¹ Там же, с. 265.

² Там же.

Упоминание портрета Сталина – это еще одно отличие между четырехтомным и пятитомным собранием сочинений, подтверждающее, что при подготовке версии 1961 г. текст четырехтомника не просто переиздали (как утверждается в примечаниях к собранию сочинений 1961 г.) – некоторые эпизоды были изменены.

Интересно, что в травелоге при этом есть эпизоды, из которых упоминания Сталина не вырезаны.

Так, в главе «Беспокойная жизнь» Ильф и Петров, подводя итоги путешествия, делают вывод о превосходстве коммунистического строя над капитализмом: «В основе жизни Советского Союза лежит коммунистическая идея. У нас есть точная цель, к которой страна идет. <...> Лозунг о технике, которая решает все, *был дан Сталиным* после того, как победила идея»¹ [Собрание сочинений 1961: 440] [Ильф, Петров 2020: 408]. Этот абзац во всех изданиях выглядит одинаково, и в собрании сочинений 1961 г. Сталин тоже упоминается. Видимо, такие «нейтральные» ссылки на него были допустимы.

Больше всего в издании 1939 и 1961 г. «пострадал» Генри Форд. Из двух глав, в которых описан фордовский завод и передан разговор с Фордом, убрали многие эпизоды с его участием, хотя в большинстве этих эпизодов не было никакой информации о Советском Союзе и его взаимоотношениях с США.

Например, в изданиях 1939 и 1961 г. не вошел следующий эпизод с участием Форда, который есть в двух других изданиях:

«На прощанье Генри Форд, который интересуется Советским Союзом и относится к нему с некоторой симпатией, спросил нас:

— Каково сейчас финансовое положение вашей страны?

Мы только накануне прочли в “Правде” известную статью Гринько и поэтому могли дать ему самые свежие сведения.

— И очень хорошо, — сказал чудесный механик, улыбнувшись вдруг морщинистой дедушкиной улыбкой, — никогда не делайте долгов и помогайте друг другу.

¹ Там же, С. 365.

Мы сказали, что так обычно у нас и поступают, но, тем не менее, обещали в точности передать эти слова Михаилу Ивановичу Калинин»¹.

Гринько с октября 1930 г. был наркомом финансов СССР, в 1938 г. был репрессирован, следовательно, в собрание сочинений 1939 г. эпизод с его участием войти не мог.

Он был реабилитирован в 1959 г. посмертно, но, видимо, в издании 1961 г. упомянуть его имя по-прежнему было нельзя.

Интересно, что в авторскую редакцию А. И. Ильф этот эпизод вошел без не полностью: в нем нет последнего абзаца (в котором упоминается Калинин). [Ильф, Петров 2020: 143].

Наиболее полная версия этого эпизода содержится, таким образом, в издании 1937 г.

Отметим, что глава о Форде – единственная глава путевых очерков, в которой А. И. Ильф в двух эпизодах выбирает вариант текста, вошедший в собрания сочинений 1939 и 1961 г., а не в издание 1937 г.

В главе «Дирборн» говорится о том, что Соренсен (директор всех заводов Форда) упомянул о возможности устроить Ильфу и Петрову встречу с Фордом. На следующий день он позвонил им и сообщил, что Форд готов их принять.

В издании 1937 г. после этого идет еще один небольшой абзац: «Снова мы убедились в американской точности и деловитости. В сущности говоря, Соренсен ничего нам не обещал и имел моральное право вообще к этому вопросу не возвращаться. Но даже слово, сказанное мимоходом, он считал таким же важным делом, как любой подписанный им контракт»².

Ни в собраниях сочинений, ни в версии текста А. И. Ильф этого отрывка нет [Собрание сочинений 1939: 122], [Собрание сочинений 1961: 144], [Ильф, Петров 2020: 134]. Причину этого сокращения в изданиях 1939 и 1961 г. мы затрудняемся объяснить.

¹ Там же, С. 124.

² Там же, С. 115.

Неясной остается и причина исключения двух приведенных абзацев (про Калинина и про Соренсена) из авторской редакции А. И. Ильф. Вряд ли можно назвать это случайностью или ошибкой, но и поводов для сокращения этих эпизодов, на наш взгляд, не было никаких.

Другие правки, внесенные цензурой в главы о Форде, объяснить тоже непросто.

Так, мистер Камерон, секретарь Форда, говоря Ильфу и Петрову, что Форд проводит на работе целый день (ходит по заводу и контролирует производство – своего кабинета у него нет), сказал о нем, что Форд «циркулирует».

Ильф и Петров упоминают об этом в травелогe с восхищением: «Сколько все-таки нужно силы и воли, чтобы в семьдесят три года так вот легко циркулировать!»¹ [Ильф, Петров 2020: 143].

В издании 1937 г. и редакции А. И. Ильф эта характеристика Форда есть, а из собраний сочинений 1939 и 1961 г. ее убрали.

Возможно, сокращение некоторых эпизодов с участием Форда объясняется тем, что он был сторонником фашизма и сотрудничал с нацистами. Поэтому фактическую информацию о нем и о его заводе оставили, а любые дополнения, содержащие положительную оценку его деятельности, — убрали из текста.

Но этим предположением сложно объяснить все цензурные правки эпизодов с Фордом: в некоторых из них нет никакой, ни положительной, ни отрицательной оценки его поступков, но отдельные фразы всё равно исключены из издания 1939, а затем и 1961 г.

Например, в главе «Генри Форд» Ильф и Петров описывают музей машин, в котором они побывали перед знакомством с Фордом. Они говорят о том, что музей еще не сформирован окончательно и Форд продолжает собирать экспонаты.

¹ Там же, С. 124.

О причине создания музея в редакции 1937 г. и в издании А. И. Ильф говорится так: «Может быть, Форд и сам еще не знает, как будет выглядеть его музей. Здесь не чувствуется руководящей идеи в устройства отделов и расстановке экспонатов. Но, очевидно, Фордом двигало одно стремление – собрать всю эту разбросанную по миру и беспризорную старинную технику, покамест она еще не проржавела и не истлела на свалках [курсив мой – П.М.]. Он торопится»¹ [Ильф, Петров 2020: 135].

В издание 1939 и 1961 г. фраза, выделенная нами курсивом, не вошла. Более того, в собраниях сочинений этот фрагмент текста был переделан и приобрел следующий вид: «Может быть, Форд и сам еще не знает, как будет выглядеть его музей. Здесь не чувствуется руководящей идеи в устройстве отделов и расстановке экспонатов. Форд торопится [курсив мой – П.М.]» [Собрание сочинений 1939: 123], [Собрание сочинений 1961: 145].

На наш взгляд, сокращение фрагмента нарушило его логику. Если в тексте 1937 и 2020 г. спешка Форда обоснована (ему важно, чтобы техника «не проржавела и не истлела на свалках»), то в версии 1939 и 1961 г. упоминание о том, что «Форд торопится», вызывает недоумение: эта фраза оказывается никак не связанной ни с предыдущими, ни с последующими предложениями. При этом причина сокращения этого абзаца по-прежнему остается неясной.

В главах «Дирборн» и «Генри Форд» есть еще ряд различий между изданием 1937 г. и собраниями сочинений. В рамках настоящей работы у нас нет возможности подробно рассмотреть каждую правку, сделанную цензурой. Однако, если говорить в целом, сделанные в 1939 и 1961 г. сокращения эпизодов с Фордом в основном сводятся к вычеркиванию из текста его имени во всех случаях, в которых это упоминание не играет ключевой роли для понимания смысла.

Кроме того, в конце главы «Дирборн» в изданиях 1939 и 1961 г. не приводится диалог Соренсена с Ильфом и Петровым, в котором он рассказывал о своем знакомстве и сотрудничестве с Фордом [Собрание сочинений 1939:

¹ Там же, С. 116.

121–122], [Собрание сочинений 1961: 142]. В издании 1937 г. и в версии А. И. Ильф диалог приводится¹ [Ильф, Петров 2020: 134].

Эти цензурные правки с трудом поддаются объяснениям.

Отметим еще одно отличие, обнаруженное нами во время сравнения четырех изданий травелога.

В издании 1937 г. и в авторской редакции А. И. Ильф глава «Американская демократия» начинается с фразы: «В дождливый зимний день к берегам Англии причалил маленький грузовой пароход»² [Ильф, Петров 2020: 396]. После этого в главе рассказывается о Чарльзе Линдберге, который переехал из Америки в 1935 г. после похищения и убийства его младшего сына.

В собраниях сочинений 1939 и 1961 г. эта же глава начинается со слов: «У одной американки были семнадцатилетняя дочь и взрослый сын» [Собрание сочинений 1939: 368], [Собрание сочинений 1961: 426]. Далее рассказывается о том, как дочь американки похитили и продали в публичный дом. Эпизод с Чарльзом Линдбергом в издании 1961 г. не вошел. Возможно, это связано с тем, что во время второй мировой войны Линдберг поддерживал нацистов.

Сравнив разные издания «Одноэтажной Америки», мы пришли к следующему выводу. А. И. Ильф при подготовке к публикации своей версии текста явно ориентировалась на первое издание травелога, поэтому можно сказать, что версия 2003 г. является переизданием версии 1937 г. с выборочным исправлением разночтений (в основном орфографических и пунктуационных). Кроме того, при переиздании текста 1937 г. из главы о Форде по неясной причине исчезли абзацы с упоминаниями М. И. Калинина и Соренсена.

Вариант же текста, вошедший в собрание сочинений 1961 г., является переизданием версии 1939 г. с некоторыми изменениями.

Таким образом, существует четыре издания «Одноэтажной Америки», но два варианта текста (вариант 1937 г., переизданный А. И. Ильф, и вариант 1939

¹ Там же, С. 114

² Там же, С. 353.

г., переизданный в 1961 г.). При этом основным текстом можно считать именно издание 1937 г., как наиболее полную версию путевых очерков.

Результатом работы по сопоставлению редакций «Одноэтажной Америки» может стать новое, научное, издание травелога, в основу которого будет положен освобожденный от цензурных правок текст. Структура возможного издания представлена во втором приложении к работе.

Глава 3. «Одноэтажная Америка»: проблема атрибуции

Работу над «Одноэтажной Америкой» Петров описал так: «Это было первое произведение, которое мы сочиняли порознь – двадцать глав написал Ильф, двадцать глав написал я, и семь глав мы написали вместе, по старому способу»¹.

Ильф печатал главы на машинке, Петров – писал от руки. При этом книга получилась цельной: в каждой главе чувствуется присутствие обоих авторов.

Настоящая глава работы посвящена анализу того, какие главы «Одноэтажной Америки» принадлежат Ильфу, какие Петрову, а какие были написаны ими вместе.

Для распределения глав по авторам мы привлекали не только дневники Ильфа, но и письма, которые Ильф и Петров писали женам во время путешествия. В «Одноэтажную Америку» из дневников и писем перешли эпитеты, сравнения и ироничные замечания об американской жизни.

Л. М. Яновская уже предпринимала попытку указать авторство некоторых глав травелога. Она считала, что «в основном Е. Петровым были написаны главы: “Аппетит уходит во время еды”, “Америку нельзя застать врасплох”, “Лучшие в мире музыканты” (не удивительно: Е. Петров был прекрасно музыкально образован), “День несчастий”, “Пустыня”, “Юный баптист”. Главным образом Ильфу принадлежат главы: “На автомобильной дороге”, “Маленький город”, “Солдат морской пехоты”, “Встреча с индейцами”, “Молитесь, взвешивайтесь и платите”. А к написанным вместе можно отнести главы: “Нормандия”, “Вечер в Нью-Йорке”, “Большой маленький город”, “Американская демократия”»².

При атрибутировании глав Яновская опиралась на архив. Она указывала, что «около половины глав в сохранившейся рукописи книги написаны

¹ Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. С. 12.

² Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? С. 27–28.

почерком Петрова. Остальные – на машинке, той самой приобретенной в Америке машинке с характерным мелким шрифтом, на которых отпечатаны и записные книжки Ильфа последних лет. Этим главам несколько больше половины, по-видимому, потому, что некоторые из них писались сообща»¹.

Мы не во всем согласны с Л. М. Яновской. У нас есть доказательства того, что глава «День несчастий», скорее всего, была написана Ильфом. Сложности также возникают с авторством главы «Пустыня», о чём подробнее будет сказано ниже.

Общие главы, по мнению Яновской, «соответствуют семи очеркам о поездке, печатавшимся в “Правде”»². Следовательно, кроме глав, перечисленных Яновской, совместно были написаны главы «Пустыня», «Капитан Икс» и «Четыре стандарта»: им соответствуют очерки, опубликованные в «Правде» 5 января, 18 октября и 5 сентября 1936 года.

В некоторых главах встречаются цитаты как из дневников Ильфа, так и из писем соавторов к женам. Это тоже подтверждает, что писатели работали над главой сообща. Например, рассказывая жене о Голливуде, Ильф обращает внимание на одни детали, а Петров – на другие. Многие описания перейдут в главу про Голливуд.

Ильф пишет Марии Николаевне, что в Голливуде «ослепительный свет, но впечатление, что светит не солнце, а какая-то **горячая луна**» [Ильф, Петров 2020: 473].

Этот оборот перейдет в главу «Четыре стандарта»: «В солнце нет ничего солнечного, оно похоже на **горячую луну**, хотя и греет очень сильно» [Ильф, Петров 2020: 313].

Петров тоже упоминает странное голливудское солнце, но его удивляет другое: «Сильное, резкое солнце. Поэтому – **резкие тени**. <...> Сбивающая с ног вонь от **бензинового перегара**» [Ильф, Петров 2020: 474].

¹ Там же, С. 27.

² Там же.

Эта характеристика Голливуда дополняет впечатления Ильфа и тоже включается в очерк об Америке: «**Плотные черные тени** падали на асфальтовую землю. <...> В воздухе всё время ощущается какая-то болезненная сухость, и **запах отработанного бензина**, пропитавшего город, несносен» [Ильф, Петров 2020: 313].

Из письма к Марии Николаевне в первую главу травелога («Нормандия») также переходит ключевое впечатление Ильфа от парохода, на котором писатели прибыли в Нью-Йорк. Ильф пишет жене: «В шторм она [«Нормандия» – П. М.] еще похожа на пароход, по крайней мере качает. А в тихую погоду это просто громадная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 422]. В «Одноэтажной Америке» этот фрагмент письма приводится с минимальными изменениями: «И вообще «Нормандия» похожа на пароход только в шторм – тогда ее хоть немного качает. А в тихую погоду – это колоссальная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 14].

С письмом Петрова к Валентине Леонтьевне первая глава не перекликается дословно (хотя он довольно подробно рассказывает жене о «Нормандии»), но в нем встречается упоминание о будущем очерке для газеты: «Мы, вероятно, напишем в “Правду” о пароходе, и ты прочтешь более подробное описание» [Ильф, Петров 2020: 426].

Говоря о первой главе, нельзя не сказать о важном изменении, которое происходило с дневниковыми записями Ильфа при переносе их в книгу. Так, 7 октября Ильф записывает: «Вчера на концерте я был свидетелем неслыханного позора некрасивой девушки в серебряном платье. При **оскорбительных усмешках** она пела «Parlez-moi d'amour», ужасно. И **некрасива она просто сверхъестественно**» [Ильф 2000: 426]. В «Одноэтажной Америке» та же ситуация описана совершенно иначе: «Потушили свет и навели прожектор на маленькую эстраду, куда, дрожа всем телом, вышла **изможденная девица** в серебряном платье. Оркестр, составленный из профессионалов, смотрел на нее с жалостью. Публика

поощрительно заплодировала. Девушка конвульсивно открыла рот и сразу же его закрыла. Оркестр терпеливо повторил интродукцию. В предчувствии чего-то ужасного, зрители старались не смотреть друг на друга. Вдруг девушка вздрогнула и запела. Она пела известную песенку “Говорите мне о любви”, но так **тихо и плохо**, что нежный призыв никем не был услышан. В середине песни девушка неожиданно убежала с эстрады, закрыв лицо руками» [Ильф, Петров 2020: 19].

Эпизод, который в дневнике Ильфа был описан как негативный, в травелогге приобрел комичный характер и превратился в смешную историю.

Дословные совпадения с текстом писем или дневника не всегда помогают установить авторство главы. Например, события, описанные в главе «Американская демократия», упоминаются как в дневнике Ильфа, так и в письмах к Марии Николаевне и Валентине Леонтьевне. При этом в травелогге нет ни одной прямой цитаты ни из писем, ни из дневника.

В таких случаях для атрибутирования главы мы обращались к публикациям «Правды». Глава «Американская демократия» вышла отдельным очерком 18 июня 1936 г., поэтому, вероятно, была написана соавторами вместе.

Здесь, однако, появляется логическое противоречие.

Яновская, с одной стороны, пишет, что глава «Пустыня» была написана в основном Петровым¹, а с другой стороны, говорит, что главы, написанные им в соавторстве с Ильфом, соответствуют очеркам в «Правде». При этом 5 января 1936 г. в газете вышел очерк, содержание которого почти полностью совпадает с содержанием главы «Пустыня».

Мы также склонны считать, что глава «Пустыня» принадлежит Петрову (несмотря на то, что она была напечатана в «Правде»), а совместно была написана глава «Беспокойная жизнь» (которая не была напечатана в газете).

В письме Петрова к жене встречаются замечания, косвенно связанные с содержанием главы «Пустыня». Писателя поражает местность, в которой он

¹ Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? С. 28.

оказался. Он пишет Валентине Леонтьевне: «Попадаем в такие **места, где, безусловно, не ступала нога советского человека**» [Ильф, Петров 2020: 459]. В двадцать пятой главе травелога сказано: «Край, в который мы заехали, **был совершенно глух и дик**» [Ильф, Петров 2020: 217].

Петров обращает внимание на погодные условия, в которых приходится путешествовать. «Последние два дня были тяжеловаты – шел **то снег, то дождь**, дорога была трудная», – сетует он в письме от 26 ноября [Ильф, Петров 2020: 459]. Через два дня он напишет Валентине Леонтьевне: «После **дождей, снега и прочего** – чудное солнце, синее небо, скалы, иней и вообще – неслыханные красоты» [Ильф, Петров 2020: 460].

В «Одноэтажной Америке» читаем: «Мы весело катили по пустыне, совершенно позабыв о вчерашних ужасах. Уже казалось невероятным, что **на свете существуют грязь, снег, холод**» [Ильф, Петров 2020: 219].

Разумеется, о дожде, снеге и холоде мог написать и Ильф, но нам кажется важным, что именно Петров обратил на них внимание в письмах к жене. Ильф упоминает плохую погоду в письме от 26 ноября, но содержание этого письма явно соотносится с главой «День несчастий» и к главе «Пустыня» отношения не имеет. Ильф пишет жене о разноцветной пустыне. К письму он прикладывает фотографию: «...на фотографии – окаменевшие деревья. Понадобилось только **70 миллионов лет, и деревья превратились в разноцветный мрамор**» [Ильф, Петров 2020: 459].

Нам кажется, что косвенным доказательством авторства главы «Пустыня» может служить то, что в «Одноэтажной Америке» о тех же самых деталях сказано по-другому: «На этом месте **несколько десятков миллионов лет** тому назад рос лес. <...> Деревья приобрели **твердость мрамора**» [Ильф, Петров 2020: 220]. Вероятно, если бы главу писал Ильф, из письма в травелог перешло бы указание и на точное количество лет, и на сходство деревьев с разноцветным мрамором. Однако в книге конкретное число лет не называется, а сравнение с мрамором указывает на прочность деревьев, но не на цвет.

Обратимся теперь к главе «Беспокойная жизнь». Эта глава не была напечатана отдельным очерком в «Правде», и нам не удалось найти в ней дословных совпадений с дневником Ильфа или с письмами авторов домой. Однако содержание главы, на наш взгляд, говорит о том, что она была написана совместно: маловероятно, что итоги поездки по США кто-то из соавторов подводил в одиночку.

Вернемся к главе «День несчастий», в атрибутировании которой мы не можем согласиться с Л. М. Яновской.

В главе встречаются цитаты из дневника Ильфа.

26 ноября Ильф записывает: **«Выехали из Альбукерке в ужасное утро. Красивые долины, тотем, монастыри, миссии – всё залито серой водой. Чудный просвет зеленого неба среди ужасной хмари. Дождь прекратился, стали подниматься и вышли на громадное плато. Растаявший снег, вода. Светло и холодно, как весной»** [Ильф 2000: 456].

В травелогe очередной день путешествия описан так: **«Мы выезжали из Альбукерка в ужасное утро. Красивые глинобитные домики, <...> монастыри, аптеки, старинные испанские миссии <...> – всё было залито серой дождевой водой. <...> Вдруг среди ужасной хмари появился чудный просвет зеленого неба. <...> Дождь прекратился, и выглянуло солнце. <...> Поднимаясь всё выше, автомобиль выехал наконец на громадное плато. Дорогу завалил тающий снег и лед. Было светло и холодно, как весной»** [Ильф, Петров 2020: 210].

Одного этого фрагмента, на наш взгляд, хватило бы для доказательства того, что Ильф был если не единственным автором, то по крайней мере соавтором двадцать четвертой главы. Приведем, однако, еще две цитаты.

В тот же день, 26 ноября, Ильф отмечает в дневнике: **«Джин в хижине. Девушка с короткими рукавами, в брюках»** [Ильф 2000: 456].

В «Одноэтажной Америке» тезисная запись будет развернута до небольшого описания: «В самой высокой точке перевала оказалась полуразвалившаяся бревенчатая хижина с вывеской “Кафе-бар”. Там

торговала девушка в бриджах, сапогах и тонкой кофточке с короткими рукавами. <...> Мы выпили по стаканчику джина, согрелись и отправились в путь» [Ильф, Петров 2020: 211].

Мы не сомневаемся, что Петров тоже был в хижине «Кафе-бар», тоже пил джин и тоже видел девушку в бриджах. И при этом мы не сомневаемся, что Петров бы преобразовал увиденное в историю совершенно иначе, нежели Ильф.

Г. А. Жиличева писала: «...если Петров интерпретирует и рефлексит ситуацию видения, то Ильф воспроизводит само зрелище. <...> Тяготение Ильфа к колористической, а не к идеологической рефлексии коррелирует с его серьезным увлечением фотографией»¹.

На наш взгляд, в главе «День несчастий» материал трансформируется в нарратив способом, больше характерным для Ильфа, а не для Петрова.

Следовательно, есть два варианта атрибутирования главы: либо она была написана Ильфом и Петровым совместно, либо ее писал преимущественно Ильф. Поскольку главы, написанные соавторами вместе, могут быть указаны довольно точно (благодаря публикациям очерков в «Правде» и цитатам из писем обоих авторов), мы считаем, что глава «День несчастий» была написана Ильфом.

Перейдем к тем главам, которые не были атрибутированы Яновской.

Мы предполагаем, что в первой части книги Петрову принадлежат главы «Что можно увидеть из окна гостиницы», «Папа энд мама», «Мы покупаем автомобиль и уезжаем». Такой вывод мы делаем на основании того, что в дневнике Ильфа почти не упоминаются факты и эпизоды, описанные в этих главах.

Что касается писем Ильфа и Петрова к женам, то их содержание перекликается с событиями, о которых говорится в первых главах травелога, но точных совпадений с текстом путевых очерков в них нет.

¹ Жиличева Г. А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа, Евг. Петрова (записные книжки, «Одноэтажная Америка»). С. 33.

Ильф же, скорее всего, принадлежат две главы первой части: «Мы ищем ангела без крыльев» и «Электрический стул». В обоих можно найти совпадения с письмами Ильфа к Марии Николаевне или с дневником. Так, переходит из письма в травелог основное впечатление, которое произвел на Ильфа Нью-Йорк (глава «Мы ищем ангела без крыльев»). В письме Марии Николаевне сказано: «Сейчас вечер, тепло, и в первый раз за все мои дни в Нью-Йорке идет маленький неслышный дождь. Но даже если бы была гроза с громом и молнией, то и ее было бы не слышно. Город сам гремит и сверкает почище любой бури. Это мучительный город, он заставляет всё время смотреть на себя, от этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 429].

В «Одноэтажной Америке» Ильф почти дословно повторяет свое письмо жене: «На улице падал маленький неслышный дождь. Но если бы даже была гроза с громом и молнией, то и ее не было бы слышно. Нью-Йорк сам гремит и сверкает почище всякой бури. Это мучительный город. Он заставляет все время смотреть на себя. От этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 51].

Рассказывая Марии Николаевне о посещении тюрьмы Синг-Синг, Ильф пишет: В остальном тюрьма очень культурная. <...> За исключением старого корпуса, построенного еще в 1825 году. Это уже **совсем султанско-константинопольская темница**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Определение повторяется в главе «Электрический стул»:

«– В новых корпусах, – сказал наш спутник, – помещается тысяча восемьсот человек. Остальные пятьсот находятся в старом здании, построенном сто лет тому назад. Пойдемте.

Вот это уже была настоящая **султанско-константинопольская тюрьма**» [Ильф, Петров 2020: 65].

Кроме того, 5 ноября 1935 г. Ильф записывает в дневнике фактические сведения о Синг-Синг, которые в главе будут развернуты в подробное описание тюрьмы: «5 ноября. <...> Сегодня еду в Синг-Синг. 2299 сидит: из

них 15 казнить, 85 на всю жизнь. 200 м[ужчин] и 3 ж[енщины], 4 скамьи, умыв[альный] столик, верхний свет» [Ильф 2000: 442].

Во второй части травелога главы распределяются между авторами следующим образом.

Ильфу принадлежат главы «Электрический домик мистера Рипли», «Дирборн», «Генри Форд».

Записи от 29 октября и 11 ноября 1935 г. превращаются в «Одноэтажной Америке» в главу «Электрический домик мистера Рипли» способом, описанным Г.А. Жиличевой.

В дневнике Ильф записывает перечень предметов, виденных в домике: «Электрический домик мистера Риплей. Кухня. Приборы для тоста, для яиц, для нагревания еды, для охлаждения, нефтяная печка, вентиляция, кнопка, швейная машина, зажигалка» [Ильф 2000: 441]. В травелоге «перечень-конспект трансформируется в нарратив с помощью ответа на вопрос “что я запомнил?” и его модификаций»¹.

Похожим образом переходят из дневника Ильфа в книгу события 11–13 ноября, описанные в главе «Дирборн». Практически все эпизоды главы перечисляются в дневнике и потом переносятся в «Одноэтажную Америку», разворачиваясь в более подробные описания.

Разумеется, Петров был вместе с Ильфом на заводе Форда и видел примерно то же, что его соавтор, но некоторые факты, упомянутые в главе, не оставляют сомнений в том, что глава принадлежит Ильфу. Например, 11 ноября Ильф записывает: «В парикмахерской. **Серб, немец, еврей, родившийся в Иерусалиме**, и мадьяр, хваливший Б[елу] Куна» [Ильф 2000: 445]. В «Одноэтажной Америке» в слегка измененном виде встречается тот же факт: «В парикмахерской на Мичиган-авеню, где мы стриглись, один мастер был **серб, другой – испанец, третий – словак, а четвертый – еврей, родившийся в Иерусалиме**» [Ильф, Петров 2020: 132].

¹ Там же, С. 31.

И 11, и 13 ноября Ильф замечает одну особенность фордовского завода: «Почему на “Дженерал Электрик” есть столовая для рабочих, а у Форда нет» [Ильф 2000: 444], «Прогулка по территории завода. Сборочный цех. **Рабочие завтракают на полу**» [Ильф 2000: 445].

Деталь, дважды бросившаяся в глаза писателю, конечно, переходит в книгу: «Сэры, – сказал мистер Адамс, внезапно оживившись, – вы знаете, почему у мистера Форда **рабочие завтракают на цементном полу**? Это очень, очень интересно, сэры. Мистеру Форду безразлично, как будет завтракать его рабочий» [Ильф, Петров 2020: 131].

Посещая 13 и 14 ноября завод Генри Форда, Ильф отмечает в дневнике яркие фразы и выражения, подробно описывает поведение Форда во время разговора и его взгляды на развитие промышленности. Всё это переходит в главу «Генри Форд» с минимальными изменениями. Дневник Ильфа: «В лаборатории Эдисона. <...> Сила, молодость Эдисона. **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**. **Горячий старик в шелковой ермолочке**» [Ильф 2000: 445].

Путевые очерки: «Входящих в лабораторию встречал кудрявый старик с **горящими черными глазами**. На голове у него была **шелковая шапочка**, какую обычно носят академики. Он **с жаром** занялся нами. <...> Узнав, что мы писатели, старик вдруг стал серьезным. Он торжественно посмотрел на нас и сказал: **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**» [Ильф, Петров 2020: 138].

В главу вошло и замечание мистера Камерона [секретаря Форда – *П.М.*] о владельце завода: «Мистер Камерон сказал, что **мистер Форд циркулирует**» [Ильф 2000: 447], – записывает Ильф в дневнике и потом переносит эту фразу в травелог [Ильф, Петров 2020: 143].

Л. М. Яновская указывала, что глава «Лучшие в мире музыканты» была написана Петровым¹. Мы тоже так считаем, но не можем не остановиться на одной интересной детали – цвет «форда», который Ильф и Петров взяли в

¹ Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? С. 27.

аренду для поездки по США, авторы описывают диаметрально противоположным образом.

Рассказывая Марии Николаевне о путешествии, Ильф пишет, что он едет в новом «форде» «красивого серого цвета, то, что называется здесь – **цвет пушечного металла**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Отношение его соавтора к выбранной машине сложно назвать уважительным. «Наш форд **мышинного цвета** <...> привез нас в царство самого Генри Форда» [Ильф, Петров 2020: 447], – делится с Валентиной Леонтьевной Петров.

В главе «Лучшие в мире музыканты» о временной потере машины говорится так: «Слушая рассказ мистера Адамса, мы пошли к отелю и тут, к величайшему нашему ужасу, не нашли автомобиля. Не было нашего чудного **мышинного кара**» [Ильф, Петров 2020: 159].

На наш взгляд, это показательная деталь. Она отчасти помогает атрибутировать и предыдущую, семнадцатую, главу – «Страшный город Чикаго».

В тексте есть несколько указаний на то, что автором главы, скорее всего, был Петров. Например, в письме Валентине Леонтьевне Петров пишет: «...мы водворились в отеле “Стивенс” – **самой большой гостинице в мире**» [Ильф, Петров 2020: 450]. В «Одноэтажной Америке» при описании «Стивенса» тоже будет подчеркнута эта особенность: «Судя по рекламному проспекту, это **был самый большой отель в мире**» [Ильф, Петров 2020: 149].

Ильф о размере гостиницы не упоминает ни в дневнике, ни в письме к Марии Николаевне – он указывает только, что в отеле «3 тысячи комнат» [Ильф 2000: 447].

Описывая студенческий бал в записи от 15 ноября, Ильф упоминает танцы и «оркестр на **лиловом** светящемся фоне» [Ильф 2000: 448]. В травелоге будет сказано, что «оркестр на сцене был залит **фиолетовым**

светом» [Ильф, Петров 2020: 154]. Разница незначительная, но, если бы главу писал Ильф, он бы, вероятно, описал свет так же, как сделал это в дневнике.

Наконец, в главе «Страшный город Чикаго» (как и в главе «Лучшие в мире музыканты») опять упоминается цвет «форда», на котором писатели ездили по Америке: «И как только становилось темно, а наш **мышинный кар** проезжал по “резиденшел-парт” очередного маленького городка...» [Ильф, Петров 2020: 144].

Снова «мышинный кар», а не автомобиль «цвета пушечного металла».

Третья часть травелога была написана по преимуществу Ильфом (забегая вперед, скажем, что четвертую в основном взял на себя Петров). Петрову, скорее всего, принадлежат глава «На родине Марка Твена» и уже упомянутые главы «Пустыня» и «Юный баптист».

Такой вывод мы делаем на основании того, что содержание этих глав почти не отразилось в записях Ильфа. В дневнике есть краткие описания некоторых эпизодов, но нет характерных совпадений дневника (или писем Ильфа) с текстом травелога. Зато в главе «На родине Марка Твена» используется слово, характерное, скорее, для Петрова, чем для Ильфа.

Петров пишет Валентине Леонтьевне: «Это очень знаменитый городок. Здесь провел **детство** Марк Твен» [Ильф, Петров 2020: 452].

Ильф тоже рассказывал жене о доме-музее Марка Твена, но слово использовал другое: «Ганнибал – маленький город на Миссисипи, где Марк Твен провел свою **юность**» [Ильф, Петров 2020: 453].

Нам кажется, что в данном случае выбор лексемы играет принципиальную роль: в девятнадцатой главе дважды отмечается, что Ганнибал – город, в котором «великий юморист Марк Твен провел свое **детство**» [Ильф, Петров 2020: 165].

В то же время о металлургическом заводе, который соавторы видели недалеко от Чикаго, в травелоге говорится теми же словами, что и в дневнике Ильфа. 15 ноября он делает короткую заметку: «Мрачное видение завода Гэри» [Ильф 2000: 447]. В «Одноэтажной Америке» читаем: «Незадолго до

Чикаго, в дожде и тумане мы увидели мрачное видение металлургического завода Гери [sic!]» [Ильф, Петров 2020: 163].

Несмотря на это, мы все-таки считаем, что глава была написана Петровым, – по причине, упомянутой выше.

В главах третьей части, написанных Ильфом, есть дословные совпадения с его дневником и письмами.

В главе «Робертс и его жена» встречаются детали, которые Ильф упоминал в письмах к Марии Николаевне. 20 ноября Ильф пишет жене о Среднем Западе: «...уже начинаются какие-то **ковбои, которые гонят стада маленьких и красивых коровок**» [Ильф, Петров 2020: 454]. В травелоге эта картина дополнится некоторыми деталями, но в главном останется неизменной: «**Два ковбоя гнали стадо маленьких степных коровок, лохматых, как собаки**» [Ильф, Петров 2020: 179].

На следующий день Ильф снова пишет письмо домой: «Сегодня ехали через северную часть Техаса. **Здесь он называется Техас**» [Ильф, Петров 2020: 456]. Особенность американского произношения Ильф упоминает и в путевом очерке: «**Это Техас! Техас, как говорят американцы**» [Ильф, Петров 2020: 179].

В дневнике Ильф записывает эпизоды, которые в двадцать первой главе превратятся в подробные истории: разговор с хич-хайкером Робертсом, завтрак в поселке недалеко от Санта-Роза и «эксидент» с молодым мексиканцем. Однако свидетелем всех этих событий был и Петров, поэтому при атрибутировании этой главы мы в основном опирались на письма Ильфа.

Перейдем теперь к главе «Санта-Фе».

В письме Марии Николаевне Ильф описывает мексиканскую кухню: «**Это вкусно, но так жжет, что без пожарной каски на голове за стол садиться опасно**» [Ильф, Петров 2020: 482]. Ироничный оборот встречается потом в «Одноэтажной Америке»: «**Решительно, сесть за такой обед без пожарной каски – невозможно**» [Ильф, Петров 2020: 192–193].

В дневнике и в травелог с незначительными изменениями передается и реплика патера в кафедральном соборе. «Фадер торопится обедать, но очень любезен. Вошел в церковь и вдруг преклонил колено. <...> Я тоже коммунист, – сказал фадер, – но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше, чем человек, поэтому он не делает всего, что думают люди. И мы не можем об этом рассуждать» [Ильф 452], – записывает Ильф в дневнике. В травелог слова патера перейдут в слегка измененном виде: «В кафедральный собор мы попали к часу дня, но патер был так любезен, что немножко отложил свой обед. Он отпер собор, быстро и ловко преклонил колено... <...> “Я тоже коммунист, – сказал он, – но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше чем человек. Поэтому он поступает не так, как поступают люди. И мы не можем об этом рассуждать”» [Ильф, Петров 2020: 194–195].

В некоторых главах, написанных Ильфом, проявляется ранее отмеченная нами черта: эмоциональная окраска эпизодов при переносе их из дневника в травелог меняется на противоположную. Это особенно заметно при сопоставлении дневниковых записей от 24 ноября 1935 г. с главой «Встреча с индейцами».

В дневнике Ильф описывает знакомство с индейцем так: «Стоял индеец с косами, переплетенными зеленой и красной шерстью. Сначала я принял его за бабу. <...> Баба оказался Агапито Пино, о котором, **как о клоуне**, говорил Бинер. Он позвал нас к себе. <...> В доме, в маленьком камине, пылало одно полено. <...> Агапито пел, опять пел, **предложил фотографию, взял доллар и успокоился**» [Ильф 2000: 454].

Тот же эпизод в «Одноэтажной Америке» описан иначе: «Посреди площади стояла громадная баба. <...> Когда мы спросили у нее об индейце Агапито Пина, <...> то выяснилось, что баба эта и есть Агапито Пина. <...> Агапито Пина **оказался весельчаком и балагуром**. <...> Внезапно Агапито запел индейскую песню, притопывая в такт ногой. <...> На глиняном выступе лежали фотографии индейцев, исполняющих военные танцы.

Запахло поборами, как в Неаполе или Помпеях. Однако, **закончив песни и пляски, Агапито Пина вовсе не стал клянчить денег, совсем не пытался всучить нам фотографию.** Оказалось, что **он желал просто доставить удовольствие своим гостям»** [Ильф, Петров 2020: 198].

Дневниковая запись говорит о явно отрицательном отношении ее автора к Агапито Пина, а в травелоге впечатление об индейце создается ровно противоположное.

В главе «Человек в красной рубашке» можно найти развернутое описание эпизодов, которые были кратко записаны Ильфом в дневнике в последние дни ноября. В «Одноэтажную Америку» переходит диалог миссионера с соседкой (при переносе трансформируясь в разговор миссионера со своей женой) и история владельца гостиницы.

Тезисная запись дневника снова разворачивается в длинный текст главы по принципу, описанному Г. А. Жиличевой.

Во время путешествия Ильф записывает списком ключевые факты, числа и события: **«20 лет. <...> 5 лет назад не было сообщ[ения] на 200–300 миль. Вложил 200 долларов. Гостиница. Оленьи головы, шкура леопарда. Нью-Йоркский стандарт. Пианино. <...> Индейские ковры»** [Ильф 2000: 457]. В путевом очерке записанные факты разворачиваются в последовательный нарратив: «...нас встретил седоватый ковбой, хозяин домика и газолиновой станции. Он приехал в пустыню из Техаса двадцать лет тому назад. <...> Нужно было вложить в эту землю двести долларов. Ковбой был тогда еще молодым человеком. Он завел скот, построил домик, женился. **Еще пять лет** тому назад от домика **было двести миль** до ближайшей дороги, можно было ездить только верхом. <...> В его бревенчатом домике горит большой камин, на стенах **висят оленьи головы, индейские ковры и шкура леопарда** <...> **Есть пианино»** [Ильф, Петров 2020: 239].

В четвертой части травелога, как уже было сказано, две главы («Капитан Икс» и «Четыре стандарта») были написаны соавторами вместе.

Ильф написал главы «Рекорд миссис Адамс» и «Сан-Франциско». Остальные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Л. М. Яновская, однако, считала, что глава «Молитесь, взвешивайтесь и платите» принадлежит Ильфу¹. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт: ни в дневнике Ильфа, ни в письмах соавторов в СССР нет никаких указаний на события, описанные в этой главе.

Иначе дело обстоит с тридцатой и тридцать первой главами.

1 декабря Ильф делает краткую запись в дневнике: «Заехали **на пять минут в Секвойя-парк, выбрались только поздно ночью**. Снег, лед, ужас, луна, холод» [Ильф 2000: 461]. В главе «Рекорд миссис Адамс» она разворачивается в подробное описание Секвойя-парка, а ключевые детали, упомянутые в дневнике, служат как бы опорными точками главы, вокруг которых выстраивается нарратив: «Мы думали, что **заедем на пять минут, а уже прошло четыре часа**» [Ильф, Петров 2020: 269]; «Между вершинами нависших над бездной елей показался очень большой червонный **месяц**. Спуск по **обледеневшей** дороге совершался долго» [Ильф, Петров 2020: 272].

В главе «Сан-Франциско» мы сталкиваемся с интересным совпадением. В ней есть сходство с письмами как Ильфа, так и Петрова.

Валентина Леонтьевна получила от мужа такое письмо с описанием Сан-Франциско: «Это покуда **самый приятный из всех американских городов** – он одновременно **похож и на Неаполь**, и на Одессу, и на Нью-Йорк» [Ильф, Петров 2020: 464].

В травелогe читаем: «Через минуту мы уже катили по улицам Сан-Франциско. Это **самый красивый город в Соединенных Штатах Америки**. Вероятно, потому, что нисколько Америку не напоминает. <...> Все остальные части Сан-Франциско – это **чудесная приморская смесь Неаполя и Шанхая**» [Ильф, Петров 2020: 280].

Мария Николаевна тоже получила письмо из Сан-Франциско. Ильф писал об инженерах, построивших дорогу Линкольна, что «в области

¹ Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? С. 28.

техники это **удивительно скромные люди**» [Ильф, Петров 2020: 465]. В «Одноэтажную Америку» эта фраза перешла почти без изменений: «Американские **техники – люди удивительной скромности**» [Ильф, Петров 2020: 282].

Мы, однако, склонны считать, что автором главы «Сан-Франциско» всё же был Ильф.

Соавторы вполне могли обмениваться впечатлениями о Сан-Франциско, и Ильф мог включить в главу сравнение города с Неаполем (к тому же, в травелоге цитата из письма Петрова – неточная: если бы автором был Петров, он бы, вероятно, упомянул вместо Шанхая Одессу и/или Нью-Йорк). Что касается слов Ильфа об американских техниках, они вряд ли могли быть известны Петрову.

На автора главы может косвенно указывать еще одна деталь.

Петров в письме к жене пишет, что из окна его комнаты в Сан-Франциско виден океан, «виден пароход. Виден **знаменитый** островок со **знаменитой** тюрьмой, в которой сидит **знаменитый** бандит Аль Капоне» [Ильф, Петров 2020: 461].

В травелоге описывается «знаменитая тюрьма», но без характерного повторения эпитета: «Посреди бухты, на острове Алькатрас, похожем издали на старинный броненосец, можно рассмотреть здание федеральной тюрьмы для особо важных преступников. В ней сидит Аль Капонэ, **знаменитый** главарь бандитской организации» [Ильф, Петров 2020: 281].

В дневнике Ильфа тюрьма не упоминается в принципе. Но нам представляется, что, если бы автором главы был Петров, он воспользовался бы возможностью и перенес ряд повторяющихся эпитетов из письма в травелог.

В главе «Четыре стандарта» есть намек на то, что Петров использовал этот прием:

«Сейчас утро, и я еще не выходил из **гостиницы “Холливуд”, что на Холливудской улице**» [Ильф, Петров 2020: 467], – пишет Петров жене;

«...остановились мы, по странному стечению обстоятельств, **на бульваре Голливуд, в отеле “Голливуд”**, помещавшемся в городе Голливуде» [Ильф, Петров 2020: 319], – читаем в путевых очерках.

Интересно, что Ильф тоже упоминает это совпадение в письме Марии Николаевне. Но относится он к нему не так, как Петров. «Живу на бульваре Голливуд, и отель тоже называется “Голливуд”. **Даже немножко противно, но так вышло**» [Ильф, Петров 2020: 468].

На наш взгляд, Петров, в отличие от Ильфа, относился к этому обстоятельству с иронией – и его ироническая интонация перешла из письма в травелог.

Поскольку глава «Четыре стандарта» была написана совместно, мы предполагаем, что за этот прием в писательском тандеме «отвечал» Петров. Отсутствие этого приема может косвенно подтверждать, что глава «Сан-Франциско», скорее всего, принадлежит Ильфу.

Остальные главы четвертой части (за исключением глав «Капитан Икс» и «Четыре стандарта», которые были атрибутированы выше), скорее всего, принадлежат Петрову. В дневнике Ильфа события, описанные в них, упоминаются очень кратко, никаких характерных совпадений травелога с дневником или письмами Марии Николаевне нам найти не удалось.

В заключительной части книги главы распределяются следующим образом. Главы «По старой испанской тропе», «День в Мексике» и «Прощай, Америка!» написана в основном Ильфом, над главой «Беспокойная жизнь» соавторы работали вместе. Остальные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Само название сороковой главы – «По старой испанской тропе» – взято из письма Ильфа к Марии Николаевне: «Сегодня мы целый день ехали вдоль мексиканской границы, **по старой испанской тропе**» [Ильф, Петров 2020: 484].

Встречаются в главе и другие цитаты из писем Ильфа к жене.

Например, очень интересным нам показалось сравнение кактусов с людьми: «Одни из них молились, другие обнимались, третьи нянчили детей, а некоторые просто стояли в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 480]. Видимо, Ильфу нравилось это сравнение, потому что в «Одноэтажной Америке» читаем: «Одни кактусы молятся, воздев руки к небу, другие обнимаются, третьи нянчат детей. А некоторые просто стоят в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 354].

Из его дневника в «Одноэтажную Америку» переходит и описание Эль-Сентро. «Утром Эль-Сентро оказался грязным городом с **побитыми тротуарами. Мрачный центр эксплуатации и сволочности**» [Ильф 2000: 466], – заключает Ильф в дневнике. В тревелог описание переходит почти дословно, Ильф только чуть-чуть смягчает его: «Эль-Сентро с его **разбитыми тротуарами** и кирпичными арками, Эль-Сентро, **мрачный город эксплуатации** и большого бизнеса...» [Ильф, Петров 2020: 354].

Путешествие по Мексике Ильф довольно подробно описывает в письме Марии Николаевне. Многие наблюдения он переносит из письма в главу «День в Мексике». Например, описание городской улицы.

Письмо Марии Николаевне: «Пахнет **жареной едой, чесноком, ходят босяковатые смуглые молодые люди с гитарами, калеки просят милостыню, двести тысяч микроскопических мальчиков бегают с щетками и ящичками для чистки ботинок**» [Ильф, Петров 2020: 482]. «Одноэтажная Америка»: «Здесь пахло **жареной едой**, пригоревшим маслом, **чесноком** <...> Проходили **молодые люди с гитарами**. <...> **Калеки громко вымаливали милостыню**. <...> Сотни крошечных **мальчиков бежали со щетками и ящичками для чистки ботинок**» [Ильф, Петров 2020: 362].

Примерно то же можно сказать об описании боя быков. В дневнике Ильф оставляет короткую запись: «Мы обедаем и идем на бой быков. 4 быка» [Ильф 2000: 467]. В то время как Мария Николаевна могла в подробностях представить арену и сам бой: «Очень **красивый и очень грубо**

построенный круглый цирк **без крыши**. Какое-то **народное по характеру здание**. Хорошие люди сидели на цементных сиденьях. Тем, **которые боялись простудиться**, продавали за десять центов матрацные подушечки» [Ильф, Петров 2020: 482].

В травелоге описание будет дополнено деталями, но в главном – сохранится: «Арена была окружена амфитеатром **без крыши, очень красивым и грубо построенным**. Здание было **по характеру народным, простым, совершенно лишенным украшений**. Зрителям, **которые боялись простудиться** на цементных сиденьях, давали напрокат плоские соломенные подушечки в полосатых наперниках» [Ильф, Петров 2020: 363].

Главы середины пятой части принадлежат в основном Петрову. В дневнике Ильфа есть несколько записей о событиях начала января 1936 г., но характерных совпадений дневника или писем к жене с травелогом нам обнаружить не удалось.

Наконец, в последней главе путевых очерков – «Прощай, Америка!» – встречается отрывок из письма Ильфа к Марии Николаевне, причем отрывок, очень характерный для Ильфа, – печальный и задумчивый:

«Сейчас в Нью-Йорке красиво. Свежо, ветер дует, солнце. Только весь день впечатление, что закат. Дома такие высокие, что солнечный свет только наверху. И уже с утра закат. Наверное, от этого грустно» [Ильф, Петров 2020: 494], – писал Ильф жене.

Читая «Одноэтажную Америку», Мария Николаевна наверняка узнала этот пейзаж: «В Нью-Йорке было **свежо, дул ветер, светило солнце**. <...> Но почему становится грустно в этом великом городе? **Дома так высоки, что солнечный свет лежит только на верхних этажах. И весь день не покидает впечатление, что солнце закатывается. Уже с утра закат. Наверное, от этого так грустно в Нью-Йорке»** [Ильф, Петров 2020: 410].

Лирическое настроение проходит через всю главу, сохраняясь буквально до последнего предложения травелога: «Холодный январский ветер гнал крупную океанскую волну» [Ильф, Петров 2020: 416]. Так заканчивается

очерк о путешествии Ильфа и Петрова по США – их последняя совместная книга.

В «Одноэтажной Америке» есть несколько глав, авторство которых нам определить не удалось. В главах «Большая нью-йоркская арена», «Грэнд-кэньон», «На гребне плотины», «Новый год в Сан-Антонио» и «Мы выезжаем в Южные штаты» нет ни совпадений с дневником или письмами, ни особых оборотов, которые были бы характерны для кого-либо из авторов.

В первом приложении к работе приведена таблица, в которой атрибутируются главы травелога. Она может быть включена в число дополнительных материалов в научном издании «Одноэтажной Америки».

Заключение

Подведем итог нашей работе.

В первой главе мы проанализировали историю изучения «Одноэтажной Америки» и записных книжек Ильфа с момента выхода книг в печать и до настоящего времени.

Мы выяснили, что оба произведения вызвали довольно живой отклик советской критики: о травелоге и о записных книжках Ильфа писали многие крупные газеты и журналы, книги в основном были одобрены рецензентами и читателями. Главный «недочет», на который соавторам указывали многие критики, заключался в том, что Ильф и Петров проявили слишком большую заинтересованность американским сервисом и уровнем жизни и не показали коммунистической борьбы в США, не указали на все недостатки капиталистической системы.

В 1949 году произведения сатириков были запрещены к печати из-за их «антисоветской» направленности. В начале «оттепели», когда Ильфа и Петрова снова разрешили издавать, некоторые исследователи начали оправдывать соавторов, доказывая их преданность социализму.

«Одноэтажная Америка», и записные книжки Ильфа периодически переиздавались, но у исследователей большого интереса не вызывали. Неоднозначное отношение как к романам Ильфа и Петрова, так и к их травелогу, сохранялось даже после снятия запрета на их книги.

В начале XXI века «Одноэтажная Америка» была переиздана А. И. Ильф. В новом издании были восстановлены фрагменты текста, исключенные цензурой из собраний сочинений 1939 и 1961 г., и в него были включены ранее не публиковавшиеся материалы (письма Ильфа и Петрова и отзывы читателей на книгу).

Кроме того, травелогом вновь заинтересовались исследователи. Если советские критики в основном оценивали положение книги в социально-политическом контексте, то литературоведы и лингвисты занимались

установлением жанра «Одноэтажной Америки», нарративными особенностями книги, способами создания образов героев и т. д.

Во второй главе мы сопоставили четыре издания «Одноэтажной Америки». В результате сравнения выяснилось, что существует четыре издания травелога (1937 г., 1939 г., 1961 г., 2003 г.), в то время как вариантов текста всего два (1937 г. и 1939 г.). Основным текстом при этом может считаться издание 1937 г. как наиболее полный вариант.

Третья глава была посвящена атрибутированию глав путевых очерков. Проанализировав содержание и стиль «американского» дневника Ильфа и писем Ильфа и Петрова в СССР, мы смогли установить авторство практически всех глав «Одноэтажной Америки» и уточнить атрибутирование, которое предложила Яновская в 1969 г.

Несмотря на то что сейчас «Одноэтажной Америкой» интересуется все больше ученых, она до сих пор остается малоисследованной. На наш взгляд, есть несколько аспектов, которые требуют дальнейшего изучения.

Так, литературоведами ранее не рассматривалось соотношение вербальной и визуальной составляющей в травелоге Ильфа и Петрова, однако проблема эта существует и требует изучения. В путевых очерках есть как описания мест, которые видели авторы во время поездки, так и пересказы их разговоров с американцами (Фордом, Хемингуэем и др.).

При этом известно, что ни Ильф, ни Петров по-английски не говорили. О том, что во время путешествия их сопровождал переводчик, прямо тоже не говорится. Следовательно, возникает проблема достоверности сведений, полученных из диалогов с носителями английского языка: нет ли в них вымысла и не подвергались ли они художественной переработке при написании книги.

Кроме того, требует разработки вопрос о сочетании в «Одноэтажной Америке» юмористического взгляда с лирическим сюжетом. Присутствует ли в травелоге характерное для Ильфа и Петрова юмористическое начало или оно не очень характерно для жанра путевых очерков и в них больше

проявляется лирический аспект? Встречаются ли в «Одноэтажной Америке» иронические афоризмы, подобные тем, которые есть в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке»? Эти вопросы пока остаются открытыми для исследователей.

Наконец, нам кажется, что актуальной является проблема объединения черт документального и художественного в «Одноэтажной Америке». Каким образом записные книжки Ильфа (которые по жанру относятся к документальной прозе, или к non-fiction) превращаются в текст, стоящий на грани художественного и нехудожественного и сочетающий черты разных жанров? Какими именно способами создается художественный мир в «Одноэтажной Америке»? Эти проблемы требуют дальнейшей разработки.

Подводя итог всей работе, мы можем сказать, что цель, поставленная нами во введении, была выполнена. Проанализировав три издания «Одноэтажной Америки» и распределив главы путевых очерков между их авторами, мы можем предложить структуру научного издания травелога (см. приложение 2).

Список литературы

Издания произведений И. А. Ильфа и Е. П. Петрова

1. Ильф И. А., Петров Е. П. Одноэтажная Америка. М., 1937. 374 с.
2. Ильф И. А. Записные книжки. М., 1939. 146 с.
3. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1939. 392 с.
4. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М., 1961. 594 с.
5. Ильф И. А. Записные книжки. М., 2000. 607 с.
6. Ильф И. А. Записные книжки. М., 2021. 413 с.
7. Ильф И. А., Петров Е. П. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М., 2020. 511 с.

Общие работы по текстологии, истории цензуры и истории русской советской литературы

8. Блюм А. В. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб, 1994. 320 с.
9. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб, 2005. 296 с.
10. История русской советской литературы: в 3 т. Т. 2. М., 1960. 635 с.
11. История русской советской литературы. 1917–1965. В 4 т. Т. 2. М., 1967. 835 с.
12. Спиридонова Л. А. Текстология: теория и практика. М., 2019. 254 с.
13. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1959. 280 с.

Литература о жанре путешествий

14. Пономарев Е. Р. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920–1930-х гг. Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2012. №1 (10). С. 29–42.
15. Пономарев Е. Р. Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920–1930-х гг. Часть 2 // Вестник Санкт-

Петербургского государственного института культуры, 2012. №2 (11). С. 26–34.

16. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб, 2013. 412 с.
17. Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. 496 с.

Научные и критические труды, посвященные «Одноэтажной Америке»

И. А. Ильфа и Е. П. Петрова и записным книжкам И. А. Ильфа

18. Агапова И. В. Структурные особенности кодовых переключений в произведении Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» // Череповецкие научные чтения, 2015. С. 3–5.
19. Американские впечатления И. Ильфа и Е. Петрова // Литературная газета, 1936. 10 февраля. С. 6.
20. Арчакова О. Б., Деомидова Т. О. Образ американца в путевых очерках И. Ильфа, Е. Петрова «Одноэтажная Америка» и Б. Полевого «Американские дневники» // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки, 2014. №66. С. 133–139.
21. Арчакова О. Б., Деомидова Т. О. Путевые очерки об Америке в советской прессе («Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова, «Американские дневники» Б. Полевого) // Журналистский ежегодник, 2012. №1. С. 56–58.
22. Атаров Н. Чему учиться у Маяковского? // Литературная газета, 1949. 1 октября. С. 3.
23. Беркутов Е. «Записная книжка» Ильи Ильфа // Литературное обозрение, 1939. №23. С. 9–13.
24. Б-ковский «Одноэтажная Америка» // Книжные новости, 1937. №6. С. 44.
25. Богачева Е. В. Жанровые особенности книги И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Преподаватель XXI век, 2010. №2-2. С. 343–351.
26. Боровой Л. «Одноэтажная Америка» // Литературное обозрение, 1937. №8. С. 9–11.

27. [Б. п.] Одноэтажная Америка // Смена, 1937. №1. С. 25.
28. [Б. п.] Отклики на книгу Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» в США // Интернациональная литература, 1938. №4. С. 221.
29. [Б. п.] Писатель Ильф и Петров вернулись из Америки // Правда, 1936. 6 февраля.
30. [Б. п.] «Путешествие в Америку» // Книжные новости, 1937. №23-24. С. 60.
31. Гладков Л. И. Ильф и Евг. Петров. Одноэтажная Америка. Новый мир, 1937. №4. С. 278–280.
32. Горнфельд А. Записи Ильи Ильфа // Литературная газета, 1938. 10 декабря. С. 3.
33. Дерман А. «Открытие» Америки // Литературная газета, 1940. 10 июля. С. 3.
34. Ермолина М. В., Широких И. А. Об «Одноэтажной Америке» или «Little Golden America» И. Ильфа и Е. Петрова // Языки и литература в поликультурном пространстве, 2019. №5. С. 26–31.
35. Жиличева Г. А. Дискурс путешествия в «Одноэтажной Америке» И. Ильфа и Евг. Петрова // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск, 2015. С. 563–579.
36. Жиличева Г. А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа, Евг. Петрова (записные книжки, «Одноэтажная Америка») // Новый филологический вестник, 2018. №2(45). С. 27–38.
37. Замотин Н. Очерки советских писателей об Америке // Что читать, 1937. №11. С. 70–74.
38. Костин Б. Записи Ильфа // Ленинград, 1940. №19–20. С. 41–52.
39. Левин Ф. Записная книжка Ильфа // Литературный критик, 1940. №1. С. 91–101.
40. Лекманов О. А. Америка и американцы в последней книге Ильфа и Петрова // Вопросы литературы, 2015. №3. С. 359–368.
41. Курдюмов А. А. [Лурье Я. С.] В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Paris, 1983. 296 с.

42. Лыткина О. И. «Американский текст» в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Вопросы русской литературы, 2015. №3 (33). С. 10–17.
43. Лыткина О. И. Нью-Йорк как литературно-географический феномен в путевых очерках И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. №2-2. С. 449–453.
44. Лыткина О. И. Нью-Йорк как текст в путевых очерках И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Педагогика городского пространства: теория, методология, практика, 2015. С. 88–95.
45. Магонова А. В. Языковая личность Остапа Бендера в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // *Linguistica juvenis*, 2018. №20. С. 144–153.
46. Марголина А. «Одноэтажная Америка» // Звезда, 1937. №4. С. 177–183.
47. Мацкин А. Записные книжки Ильфа // Известия, 1940. 27 февраля.
48. Мингулина А. Очерки путешествия по Америке // Книга и пролетарская революция, 1937. №5. С. 114–116.
49. Мирошкин А. Ехали по Америке Ильф и Петров // Читаем вместе, 2017. №5. С. 38
50. Никулин Л. Приятная, умная и веселая книга // Книга и пролетарская революция, 1937. №2. С. 121–122.
51. Ольшевская К. «Удобства – только для буржуазии» // Книга и пролетарская революция, 1937. №2. С. 122.
52. Просин В. «Развесистые небоскребы» // Известия, 1937. 21 марта.
53. Семенов П. «Одноэтажная Америка» // Рабселькор, 1937. №12. С. 17–18.
54. Толстой А. Н. О советской литературе // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. М., 1949. С. 390.
55. Шкловский В. Б. «Золотой телёнок» и старый плутовской роман // Литературная газета. М., 1934. 30 апреля. С. 4.
56. Шкловский В. «Одноэтажная Америка» // Вокруг света, 1946. №1. С. 63.
57. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009. 658 с.
58. Эвентов И. «Одноэтажная Америка» // Резец, 1937. №9. С. 15–16.

59. Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? М., 1969. 216 с.

Документы, постановления и иные материалы, имеющие отношение к творчеству И. А. Ильфа и Е. П. Петрова

60. Вождь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. М., 2008. 312 с.

61. Дементьев А. Г. Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии. Звезда, 1949. №3. С. 205–207.

62. Серьезные ошибки издательства «Советский писатель» // Литературная газета. М., 1949. 9 февраля. С. 3.

63. Тарасенко И. Ф. Меня звали власовцем: воспоминания, свидетельства, документы, факты. Одесса, 2001. 336 с.

64. Хотянова О. Б. Стилистические средства создания речевого портрета Остапа Бендера // Вестник МГУП имени Ивана Федорова, 2015. № 2. С. 111–118.

Воспоминания современников об И. А. Ильфе и Е. П. Петрове

65. Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове М., 1963. 336 с.

Приложение 1.

В таблице указано авторство всех глав травелога, атрибутированных нами и Л. М. Яновской. Полужирным шрифтом выделены главы, в атрибутировании которых у нас возникли расхождения с Яновской.

Глава	Автор
«Нормандия»	Ильф и Петров
Первый вечер в Нью-Йорке	Ильф и Петров
Что можно увидеть из окна гостиницы	Петров
Аппетит уходит во время еды	Петров
Мы ищем ангела без крыльев	Ильф
Папа энд мама	Петров
Электрический стул	Ильф
Большая нью-йоркская арена	Авторство определить не удалось
Мы покупаем автомобиль и уезжаем	Петров
На автомобильной дороге	Ильф
Маленький город	Ильф
Большой маленький город	Ильф и Петров
Электрический домик мистера Рипли	Ильф
Америку нельзя застать врасплох	Петров
Дирборн	Ильф
Генри Форд	Ильф
Страшный город Чикаго	Петров
Лучшие в мире музыканты	Петров
На родине Марка Твена	Петров
Солдат морской пехоты	Ильф
Робертс и его жена	Ильф
Санта-Фе	Ильф
Встреча с индейцами	Ильф
День несчастий	Ильф

Пустыня	Петров
Грэнд-кэньон	Авторство определить не удалось
Человек в красной рубашке	Ильф
Юный баптист	Петров
На гребне плотины	Авторство определить не удалось
Рекорд миссис Адамс	Ильф
Сан-Франциско	Ильф
Американский футбол	Петров
«Русская горка»	Петров
Капитан Икс	Ильф и Петров
Четыре стандарта	Ильф и Петров
Бог халтуры	Петров
Голливудские крепостные	Петров
Молитесь, взвешивайтесь и платите!	Предположительно Ильф
Божья страна	Петров
По старой испанской тропе	Ильф
День в Мексике	Ильф
Новый год в Сан-Антонио	Авторство определить не удалось
Мы выезжаем в Южные штаты	Авторство определить не удалось
Негры	Петров
Американская демократия	Ильф и Петров
Беспокойная жизнь	Ильф и Петров
Прощай, Америка!	Ильф

Приложение 2.

Структура (возможная) научного издания «Одноэтажной Америки»

1. Вступительная статья о творческой истории книги.
2. Переиздание текста 1937 г. с поправками и уточнениями.
3. Научный комментарий (реальный, текстологический и историко-литературный).
В комментарии должны быть приведены варианты текста, которые вошли в Собрания сочинений Ильфа и Петрова 1939 и 1961 гг. (главы, сокращенные цензурой), а также учтены сохранившиеся архивные материалы и другие публикации «Одноэтажной Америки» (в издательствах «Огонек» и «Правда»).
4. Приложения: карта США с маршрутом Ильфа и Петрова, «американский» дневник Ильфа, письма соавторов из Америки в СССР, письма читателей, критические отзывы современников и таблица, в которой атрибутируются главы травелога.